Императоры иллюзий

Автор:
Сергей Лукьяненко

Императоры иллюзий

Сергей Васильевич Лукьяненко

Линия Грез #2

Кей Альтос – герой, бессмертный в прямом смысле, и за его бессмертие дорого заплачено. Так уж повелось в мире, где возможность воскресать превращена в ходкий товар. А еще он – человек без родины, человек без иллюзий, и в жизни его есть лишь одна вера – вточный прицел и удачу в космическом поединке. Но иначе и не выжить там, где человечество приняло на себя тяжесть войны со всеми разумными расами Галактики…

Сергей Лукьяненко

Императоры иллюзий[1 - Смотрите приложение в конце книги.]

Часть первая

Кей Дач

1

Дальше, чем небо, – за границей населенных секторов Галактики, в той зоне космоса, которая традиционно именовалась Свободными Территориями, крошечный истребитель Алкари пытался уйти от корабля Империи. Человеческий корабль нельзя было назвать военным, не покривив душой: он не был приписан к флоту, а его жилые отсеки отличались излишней роскошью. Однако защитные поля человеческого корабля были способны отразить залпы нейтринных пушек истребителя, а боевая надстройка казалась достаточно большой, чтобы вместить коллапсарный генератор.

Собственно говоря, она его и вмещала. До сих пор истребитель Алкари спасала лишь маневренность. Он не пытался вступить в безнадежный бой, а уходил от противника, меняя направление полета с такой легкостью, словно для него не существовали законы инерции. Это тоже было правдой.

Однако преимущество, делавшее птицеподобную расу такими опасными соперниками в околопланетарных боях, здесь, в трех парсеках от ближайшей звезды, лишь длило агонию. У алкарисов даже не оставалось времени, чтобы сориентироваться в пространстве и послать на Альтаир последний рапорт – о подлом нарушении Империей пакта о ненападении. Когда человеческий корабль приблизился на полукилометровое расстояние, истребитель прекратил маневры. Две тонкие турели развернулись к приближающемуся кораблю и дали залп – невидимый в межзвездном вакууме, но на мгновение заставивший защитные поля человеческого корабля вспыхнуть искристой радугой.

Ответа не последовало. Корабль приближался к истребителю, удивительно неуклюжий в сравнении с легкой машиной чужих. Его передатчики упрямо продолжали длящуюся второй час передачу: короткий пакет импульсов, многие сотни лет назад принятый как приглашение к беседе всеми расами Галактики. Истребитель не реагировал.

Слабый лазерный луч впился в защитное поле алкарисов. Промоделированный все тем же сообщением, он заставил поле трепетать и светиться, словно подсвеченное прожектором знамя на ветру. Мощность луча плавно повышалась.

Покоряясь неизбежному, истребитель Алкари послал отклик – согласие на диалог. Лазерный луч исчез. Истребитель медлил еще несколько мгновений, потом погасил защитное поле. Человеческий корабль тормозил, выдвигая хрупкий конус переходного шлюза. Боевая надстройка была открыта, и зрелище активированного излучателя надежно удерживало алкарисов от соблазна

нанести удар.

Кинотеатры на Таури начали строить год назад, как и по всей Империи. Кому из работников корпорации «Сетико» пришло в голову возродить древнее человеческое развлечение – неизвестно. Наверняка он заработал хорошую премию. Корпорация же увеличила свой оборот почти в полтора раза. Конечно, увлечение людей древними фильмами продлится недолго (по подсчетам психологов корпорации – еще шесть-семь месяцев), но это время готовились использовать полностью. Вывод старых видеозаписей обратно на кинопленку стоил недорого, а кинотеатры возводились с расчетом на быструю перестройку в амбары, коровники и прочие полезные помещения.

Но пока кино переживало свой недолгий ренессанс.

«Иллюзион» был самым роскошным из таурийских кинотеатров. Ему предстояло прожить дольше всех остальных, обслуживая те пять процентов населения, которые в силу вязкости характера надолго застревали на культурных увлечениях. Для подобных лиц еще работали на каждой планете две-три публичные библиотеки с бумажными книгами, несколько тиров с пороховым оружием, кое-где сохранились трамплины – отголоски десятилетней давности лыжного бума.

Девушка сидела в последнем ряду, неосознанно копируя своих давних предков, рассматривающих кинотеатры прежде всего как место для свиданий. Впрочем, ее не слишком занимала ни рука юноши на плече, ни бумажный пакет с попкорном, вручаемый вместе с билетом. Ей действительно нравились старые фильмы.

– Рашель, – тихо прошептал парень.

Девушка мотнула головой, словно отгоняя назойливую муху. Ее спутник не угомонился:

– Послушай…

– Я же сказала – потом.

Юноша мрачно уставился в огромный пластиковый экран. За спиной тарахтел проектор, и пылинки плясали в луче света над головой. Фильм был цветным, но не объемным, и это приводило его в ярость.

– Потом, – мягче сказала девушка, почувствовав настроение юноши. Коснулась его руки – на пальце блеснуло тонкое серебряное кольцо. – Поскучай… пока.

В голосе звучало обещание, но парень уже давно убедился, что в ее обещаниях есть жестко определенный предел отношений.

Рубка истребителя была узкой и слишком высокой на человеческий вкус. Ищущий Истину стоял у своего кресла-насеста, и хохолок мягких коричневых перьев дыбился на его голове. Похожий на ястреба-переростка, он, однако, никогда не употреблял мясной пищи. Массивный роговой клюв был предназначен природой лишь для раскалывания ореховой скорлупы. Даже в рукопашных схватках алкарисы не использовали его как оружие.

Еще два алкариса, куда более низкого ранга, не имевшие для Ищущего Истину четко определенных имен, стояли рядом – с оружием, зажатым в кончиках крыльев. Судьба сделала пернатой расе два подарка – низкогравитационную планету, где они смогли достичь достаточных для зарождения разума размеров, не утратив возможности летать, и непредсказуемый климат, заставивший их бороться за выживание и совершенствоваться. Потом эволюция дала им хватательные придатки на крыльях. Это и стало решающим.

Пилот, Рваный Ветер, полулежал в пилотажном кресле, затянутый в сенсорную пленку. Он управлял истребителем движениями всего тела, фактически сам летел сквозь ледяную пустыню космоса. Сейчас он отдыхал, наслаждаясь минутами покоя, отрешившись от происходящего в рубке.

Дверь шлюза затрепетала, разрываясь десятком лепестков и втягиваясь в стены. Ищущий Истину издал негодующий клекот, когда человек вступил в рубку истребителя, но не сдвинулся с места. Его телохранители также остались неподвижными.

Этот человек принадлежал к мужскому полу и был относительно молод (хотя что можно сказать о возрасте у расы, практикующей неограниченный аТан?). Очень

мускулистый, высокий, темный, с короткой стрижкой. Безоружный и не в броне, но Ищущий Истину не страдал комплексом неполноценности, нередко возникающим у алкарисов, общающихся с иными расами. Что ж, обделенные физической силой, пернатые имели недоступное другим чувство пространства и скорость реакции. Но сейчас у Ищущего Истину возник резкий, как проблеск молнии, укол страха. Человек мог одним ударом руки сломать его тонкие кости, отшвырнуть легкое тело.

Окинув рубку быстрым взглядом, человек плавно развел руки. Полуприсел, с грацией, неожиданной для его телосложения, и замер в неудобной позе. Его руки описали круг и оказались заложенными за спину.

Ищущий Истину почувствовал любопытство. Ритуал уважения к врагу был выполнен с похвальной четкостью, притом в той вариации, которая не выглядела нелепой для гуманоида. Против воли, повинуясь инстинктам, алкарис совершил ответные движения. Круглые янтарно-желтые глаза впились в лицо человека. Мучительно коверкая горло, Ищущий Истину произнес на языке людей:

– Нач-чни, приз-земленный.

Вряд ли клокочущая речь алкарисов далась человеку легче, но на его лице это не отразилось. Грубый акцент резанул слух Ищущего Истину, однако фраза была выстроена безукоризненно.

– Воля неба – мы будем говорить. Мой путь пересек твой, и дай отдых гневу. Я знаю узор на своей скорлупе.

– Последнее – любопытно, – заметил алкарис.

– Никто не выйдет из скорлупы, даже тот, кто родился без нее, – мгновенно ответил человек.

Алкарис слегка склонил голову. Он не был истинным ценителем «Пятикрылия мудрости», но цитата была приведена удачно.

– Кто ты и чей? – На третьей фразе алкарис мог позволить себе любопытство.

– Я Кей Альтос, человек без родины.

Ищущий Истину молчал с полминуты, пока в его памяти раскручивались полотнища образов. Мышление алкарисов было своеобразно, и только зрительная память позволяла им надежно хранить информацию.

– Ты был на Хааране, – произнес он наконец.

– Да. – Красноречие, казалось, покинуло человека.

– Ты был добровольцем в частях ополчения, которые подавили восстание против Империи Людей. Ты прославился. Военные дали тебе прозвище «Корь».

– Я восхищен памятью Особого посланника, – тихо сказал Кей. – Тридцать пять лет – немалый срок… для вас. Но я не люблю это имя.

– Корь — это человеческая болезнь?

– Да.

– Оригинально, – заключил алкарис. – Ладно. Теперь я вижу тебя, а ты знал меня и так. Хорошо. Куда ведет тебя путь?

– Я хочу долгой беседы, Ищущий Истину.

– О чем, Кей?

– О Вселенной и Боге.

2

Кей Дач вернулся в свой корабль через полчаса. Истребитель алкарисов отстыковался прежде, чем он успел дойти до рубки, – эта раса не терпела несвободы. Однако, отдалившись на десяток километров, истребитель застыл –

хрупкая игрушка космоса, свободная от законов инерции, незыблемых для людей.

Рубка корабля оказалась небольшой, почти как на гиперкатере, четыре года назад погибшем на орбите планеты Грааль. Здесь тоже было лишь два пилотажных кресла, одно из которых ждало Кея.

– А ты боялся, – не поворачиваясь, сказал темноволосый юноша за боевым пультом. – Они ждут нас?

– Да. – Кей опустился в свое кресло, пристегнул ремни. Никакие гравикомпенсаторы не могли дать человеческим кораблям той плавности полета, которую имели алкарисы. – Посланник предоставил нам час на прокладку курса к Тэ-Ка 84.

Томми Кертис коснулся сенсоров пульта. Нахмурился, читая строки с дисплея.

– Кислородный мир? А почему ничейный?

– Поймешь. – Дач вынул из сервисного блока чашку с дымящимся кофе. Посмотрел на Томми с легкой иронией. – Не самое приятное место, но выбора нет. Алкарисы никогда не пойдут на серьезные переговоры в космосе при таком неравенстве сил. А любой освоенный мир, какой бы расе он ни принадлежал, даст моральное преимущество той или иной стороне.

– Ага. – Томми дочитал справку, проползающую по экрану в ритме движения его глаз, с легкой растерянностью перевел взгляд на Кея. – Поможешь проложить курс?

– Работай…

Конечно, доверять выбор гипермаршрута юноше, почти подростку, – не самый правильный поступок. Существуют миллионы путей, которые приведут их к Тэ-Ка 84, и лишь один или два, которые уведут в ничто. Причем определить их – логически – не сможет ни самый опытный пилот, ни мощный корабельный компьютер. Остается полагаться на Ее Величество Теорию Вероятности… и шестое чувство. Однако остальные пути, безопасные и правильные, различаются

по энергоемкости и тому уровню износа, который они оставят в реаджекс-приводе. Два совершенно одинаковых корабля прослужат разным пилотам абсолютно несопоставимый срок, и все потому, что кто-то способен понять логику гиперпереходов, а кто-то – нет.

Но парню полезно взрослеть побыстрее. Дач смотрел на то, как Томми работает с компьютером. По экрану, незаметно раздвинувшемуся до метровой диагонали, бежали курс-пакеты – длинные столбцы цифр, несущие в себе траекторную информацию. При желании каждый столбец можно было расшифровать до полного экрана чисел или превратить в текст на стандарте. Но Томми пытался работать по первичному файлу, и довольно успешно.

Хорошая наследственность, так, Кертис Ван Кертис?

Кея немного забавляло, что, становясь юношей, Томми абсолютно перестал походить на хозяина «аТана». Словно все черты взрослого Кертиса, которые были в мальчике, смылись на время быстрым ростом и той странной жизнью, которую им пришлось вести. Интересно, как сейчас выглядит Артур? И похожи ли они друг на друга?

Искренне надеясь, что его маленькому клиенту не приходилось больше умирать, Дач предпочитал вспоминать его прежним.

На лбу Томми дрожала капелька пота. Он морщился, временами останавливая перебор курсов и вглядываясь в ту или иную последовательность чисел. Юный герой эпохи Смутной Войны, хоть сейчас снимай в детском сериале «Щит небес». Красивый, обаятельный и с той неуловимой породой, что так неотразимо привлекает женщин и вызывает невнятное раздражение мужчин. Последний год, заводя короткие интрижки в портовых городах, Дач ловил своих подруг на достаточно откровенных взглядах в сторону парня. Однажды он даже высказался при Томми по этому поводу. Тот смущенно предложил сделать пластическую операцию. А через несколько минут ехидно уточнил, кому именно.

Быстро же он преодолел страх перед Кеем. Наверное, потому, что при первом знакомстве убил его…

– Курс, – коротко сказал Томми, откидываясь в кресле. Дач вывел информацию на свой экран.

Да, действительно, курс. Не тот недостижимый идеал (время достижения – ноль, износ двигателя – ноль), о котором на каждой планете сложен десяток однотипных баек. Но более чем приличный, достойный самого опытного пилота показатель. Случайность, конечно, но достойная похвалы.

– Пойдет, хотя бывают решения и получше, – прокомментировал Дач. Потом связался с алкарисами и коротко сообщил, что они готовы к прыжку. Гиперсеть-генератор, которым они выдернули истребитель алкарисов в реальный космос, был давно отключен, и чужие исчезли из пространства почти мгновенно. С расчетом курса у них никогда не было особых проблем.

– Искать дальше? – искоса поглядывая на Кея, спросил Томми.

– Стартуй.

Во всполохах вторичного излучения корабль провалился в гиперпространство. И случайная точка в межзвездном вакууме, с момента Большого Взрыва не знавшая тел крупнее молекулы водорода, вновь опустела.

Еще на одну вечность. Для пустоты времени не существует.

Рашель и Гафур целовались в кабине флаера. Достаточно долго, чтобы юноше наскучил этот неизменный элемент программы. Увы, трехлетняя дружба дала ему понять, что на большее рассчитывать не приходится. Девушка высвободилась из его рук так ловко, что пытаться удерживать ее он даже не стал.

– Спасибо, что подбросил. – Рашель откинула полупрозрачный обтекатель кабины, спрыгнула на траву. Был вечер, неизменно тихий таурийский вечер, лишь на горизонте сгущались сизые тучи обещанного ночного дождя. Слишком плотные, правда. Гафур молча смотрел на девушку.

Рашель отступила на шаг, сорвала с одного из деревьев, окружавших флаерную полянку, нежно-розовый, мягкий, как масло, плод. Отличный в этом году урожай, такой большой, что вызовет падение цен и миллионные убытки… Ей пришлось подпрыгнуть, дерево было уже порядком ободрано, и юбка из серебряной парчи

плеснула по ногам.

– Держи. – Она бросила плод Гафуру. Стандартный жест таурийского гостеприимства. Юноша поймал фрукт, ухитрившись не раздавить его при этом. – В школе увидимся.

– Пока, – хмуро сказал Гафур. Задвинул колпак и начал подъем, одновременно откидывая второе кресло. Встроенный холодильник под креслом был почти полон, некоторые плоды уже начали подгнивать. Он клятвенно пообещал себе утром вытряхнуть фрукты на помойку. Потом проглядел на автоответчике список звонков.

Приглашение на вечеринку «с пивом, родителями в отъезде и комнатами для желающих» показалось юноше вполне отвечающим моменту. Описав круг над домом Рашель – та помахала ему рукой с веранды, – он включил автопилот.

– Веселых развлечений, – сказала девушка, глядя на растворяющийся в небе флаер. Гафур был хорошим другом, очень славным парнем из именитой семьи. Но что она могла поделать, если абсолютно его не любила? Не морочить голову – тогда скучно будет жить…

И в конце концов, она ведь однажды честно ответила на его вопрос, что надо сделать, чтобы ей понравиться.

Убить булрати голыми руками, потрепать ее по щеке и исчезнуть навсегда. Но не забыть обещанный мимоходом подарок.

Она взглянула на простенькое серебряное колечко. Если распрямить тонкую пластинку серебра, из которого оно сделано, та будет похожа по форме на человеческое ухо.

Ее врач был очень удивлен, когда вполне сформировавшийся невроз – страх перед механистами, меклонцами и техникой умнее пылесоса – бесследно исчез. Он приписал его успеху психоанализа, а девочка только улыбалась, крутя на пальце не по размеру большое колечко. Лишь сейчас кольцо стало впору.

Наверное, она показалась Кею взрослее, чем на самом деле. Так ведь?

3

Когда-то Тэ-Ка 84 был очень перспективным миром. Внесенный в реестр колониального управления Империи, он ждал лишь корабля с первой партией поселенцев, чтобы вспыхнуть на звездной карте цветами человеческой расы.

Потом на маленькой планете Хааран вспыхнул мятеж против Императора Грея. Лидеры повстанцев предприняли попытку, в своем роде даже изящную, – они заявили о выходе из Империи и переходе под патронаж Ветви Алкарисов. Еще не сложился Тройственный Альянс, а человеческая раса была ослаблена столетием Смутной Войны. Огромный флот птицеподобной расы двинулся к Хаарану. Закрепиться, построить ракетные базы, пользуясь поддержкой планетарного правительства, и утереть нос подоспевшему Имперскому флоту…

Опередив алкарисов, к Хаарану вышли корабли ополчения с соседних планет. Они не имели тяжелого оружия, лишь разъяренные добровольцы в десантных трюмах. У них было две недели до подхода вражеского флота – двигатели тех лет не отличались скоростью.

Когда эскадра алкарисов вышла из гиперпространства, она обнаружила мертвый мир и уходящие корабли людей. Через неделю подоспел Имперский флот, и алкарисы попытались уйти без боя.

Их настигли на орбите Тэ-Ка 84. Все было поставлено на карту, и схватка шла почти неделю. Тысячи кораблей в поле притяжения планеты, легкие и маневренные истребители алкарисов против гигантских крейсеров людей. Миллионы тонн металла, пластика, изотопов и химикатов, кружащиеся на орбите. Крошечные, похожие на шестилапых обезьянок звери поднимали ночами головы, всматриваясь в пылающее небо. Потом, подобрав спасательные капсулы с разбитых кораблей, остатки человеческого флота – победоносные остатки, – ушли к Терре. Но небо продолжало гореть.

– Дешевле найти новую планету, чем очищать этот мир, – сказал Кей. Корабль снижался над странным плато – целая горная долина была залита стеклянистой,

искрящейся массой. Глубоко под ней детекторы улавливали металл. Очень много металла.

– Что это было? – спросил Томми. Дач вел посадку сам, но казался не слишком занятым пилотированием, чтобы не ответить на вопрос.

– «Харон». Линейный корабль планетарного подавления. Не стоило его бросать в эту мясорубку – он никогда не предназначался для боя с истребителями. Но командование решило отвлечь алкарисов. Корабль держался долго – хорошие защитные поля и противоракеты. И даже огрызался, чем мог. Наконец, его торпедировали и спихнули с орбиты, как мусор. Он сделал три витка, а мезонные бомбы вываливались из пробитых трюмов. Потом… вот.

Больше спрашивать Томми не стал. Они сделали один виток, прежде чем обнаружили истребитель алкарисов, застывший на стеклянном поле. Птички их, конечно, опередили. За этот час Томми составил о Тэ-Ка 84 вполне достаточное представление.

– Я выйду, ты поднимешь корабль и выведешь на стационарную орбиту, – продолжил Кей: – Стандартных суток нам для разговора хватит.

Корабль опустился в полукилометре от истребителя алкарисов. Кей продолжал сидеть, словно ожидая чего-то. Томми поинтересовался:

– Ты же дрался с алкарисами на Хааране?

– Не с ними. С людьми, пытавшимися перейти под власть чужих. Это куда хуже.

– Кей, лингвенсор перевел часть разговора, когда ты был в истребителе. Ту, где вы обходились звуками.

– Ну?

– Почему тебя прозвали «Корь»?

Дач выбрался из кресла. Посмотрел на Томми почти равнодушным взглядом.

– А ты сам подумай.

Юноша дождался, пока Кей не отошел от корабля на сотню метров. Навстречу ему, от истребителя, уже двигалась невысокая фигурка чужого – подпрыгивающей, нечеловеческой походкой.

Касание клавиш, даже не управление, а ввод стандартной программы взлета. Корабль медленно начал подниматься. Следом, с той же скоростью, начал взлет истребитель.

На одни человеческие сутки Тэ-Ка 84 обрела разумную жизнь.

Кей Дач смотрел, как корабли исчезают в небе. Это было даже красиво – два оперенных огнем силуэта, тающие в редких облаках. Превратившаяся в стекло почва отблескивала, отражая свет. На Тэ-Ка оказалось неожиданно легко дышать – воздух был чист и насыщен кислородом. Впрочем, ничего странного – копоть давно осела, а в океанах сохранилось достаточно водорослей, чтобы обновить атмосферу.

Он помахал рукой приближающемуся алкарису. Тому, наверное, хотелось взлететь, когти на лапах то и дело скользили по стеклу. Но это был не Альтаир с его низкой гравитацией. На Тэ-Ка Ищущий Истину мог только планировать.

– Ты выбрал любопытное место для встречи! – крикнул Дач. Алкарис остановился в двух шагах, тяжело опуская на грунт объемистый контейнер. Его перья топорщились, отводя от лишенного потовых желез тела излишки тепла.

– Любопытное, – согласился алкарис. – Очень большой человеческий корабль лежит под нами. Очень большой и очень мощный.

– Успевший сбить много маленьких истребителей.

– К сожалению, да. – Алкарис замолчал, не отводя от Кея настороженного взгляда. Плавно присел на свой контейнер, очевидно, предназначенный и для таких целей. Этика разговора требовала от него дождаться ответной фразы, прежде чем проявить любопытство.

Дач не стал тянуть, издеваясь над чужим, скованным древними ритуалами. Время было единственной роскошью, которую он не мог себе позволить.

– Хочешь перекусить или отдохнуть? – поинтересовался он, извлекая из сумки баллончик. Под пристальным немигающим взглядом покрыл участок стеклянистой почвы мгновенно застывшим пенным слоем. Земля еще излучала, слабо, конечно, но сидеть на ней без защиты не стоило. Кей не был сторонником столь радикальной контрацепции.

– Благодарю, нет. – Алкарис слабо взмахнул крыльями, меняя позу. – Что ты хочешь узнать с такой настойчивостью, Кей?

– Ваше представление о Боге.

Похоже, ему удалось удивить чужого. Алкарис мелко затрепетал крыльями, разразившись кудахтаньем. Если отрешиться от смыслового слоя, то он напоминал курицу, снесшую яйцо, или кондора.

– Бог? Убийца говорит о Боге? Корь, ты ищешь новую веру? Ваши боги отказались тебя прощать?

– Достоин ответа вопрос, а не спрашивающий, – с мучительным усилием переходя на алкарис-церемониальный, произнес Кей. Горло мгновенно заболело. Оставалось лишь надеяться, что недостижимый для человека клювный прищелк ххач не играл в цитате ключевой роли.

Алкарис перестал смеяться, сказал:

– Дач, предпочитающий называть себя Альтосом. Зачем тебе ответы? Мы не скрываем своей веры. И постулат проклятого мига не секрет для людей.

Кей почувствовал досаду. Чужие знали даже его настоящее имя, то, что упустил в свое время Кертис Ван Кертис и до сих пор, как он надеялся, не разнюхала СИБ.

– Вы – единственная раса, отказавшаяся от космической экспансии по религиозным мотивам.

– Отказавшаяся?

– Направившая ее вне Галактики, – поправился Кей.

Алкарис молчал. Сиреневая пленка затянула глаза. Потом они снова посмотрели на Кея – две янтарные полыньи, в которых плавали черные льдинки зрачков.

– Что тревожит тебя, сильный человек могучей расы? Наивные алкарисы уходят прочь от людей. Меньше соперников, больше власти. Империя Людей топтала Дарлок, мы презрели Альянс и не пришли древнему народу на помощь. Чего ты боишься, Кей?

– Того, что вы правы.

Алкарис слегка потряс головой, издеваясь над неопределенностью фразы.

– Предопределенность… – сказал Кей.

Ищущий Истину щелкнул клювом.

– Бог создал мир, и мир неизменен, – продолжил Кей, словно не замечая реакции. – Так? Но почему вы уходите?

Алкарис спрыгнул со своего контейнера.

– Пора перекусить, – сказал Кей на алкарисе – бытовом, не допускающем серьезных разговоров. – Мы будем общаться долго, чужой.

– Долго, – эхом повторил алкарис, покоряясь правилам беседы.

4

Вячеслав Шегал, клинч-командор спецгруппы «Щит», стоял в контрольной арке. Пока детекторы сканировали его тело, двигаться не рекомендовалось. Все

охранные системы во дворце Императора были слегка парануяльны.

– Допуск подтвержден, – словно бы разочарованно произнес автомат, когда последний щуп втянулся в арку. – Режим перемещений – желтый, свободный. Время пребывания до восьми часов.

Это были очень хорошие показатели. Время, в течение которого разрешалось находиться во дворце, надежнее всего показывало социальный статус. Не каждый из планетарных правителей мог рассчитывать на «желтый, свободный» и восемь часов.

Но Шегал успел привыкнуть к своему положению.

Формально лишь теперь он находился в той зоне Терры, где переставало действовать планетарное право и вступала в силу воля Императора. Грей никогда не стремился к абсолютной власти, прекрасно понимая, что это лишь прибавит ему врагов.

И те бесчисленные вольности, которые он дал планетам, сделали его правление бесконтрольным и незыблемым. Сотни планет Империи – сотни законов и традиций, почти не связанных общими моральными нормами. Свобода миграции позволяла каждому, имеющему деньги, выбирать себе образ жизни по вкусу.

Но лишь Грей, Император и живой символ человеческой цивилизации, имел право выбирать любые законы в каждом конкретном случае. Он подчинялся правилам тех планет, которые были удобнее. Если их не оказывалось, он действовал по закону анархических миров.

Вячеслав шел по парковой зоне дворца, мимо рощ эндорианских парусников, трепещущих на ветру белыми полотнищами листьев. Его вызов не был срочным, и Император не потрудился указать место аудиенции. Обычная практика, напоминающая придворным их статус.

Клинч-командор Вячеслав Шегал имел достаточный опыт поисков Императора. Он свернул на тисовую аллею, вымощенную оплавленными металлическими плитками – кусками брони чужих кораблей, шедших когда-то в бой против людей. Заглянул на Флаговую террасу, где над ревущим потоком горной реки вздымалась дуга флагштоков со знаменами колоний. Высота, на которую было

поднято знамя, означала степень симпатии Императора к политике планетарного правительства. Когда знамя начинало мести землю, армия готовилась к миссии умиротворения. Император любил лично поддергивать флаги, но сейчас терраса была пуста. Лишь возле трехцветного знамени Инцедиоса, развевающегося у самой земли, стоял пожилой мужчина в безупречном смокинге. Вячеслав не стал прерывать невеселые раздумья посла вопросами.

За полчаса он побывал в нескольких коммуникаторах, разбросанных по парку, выпил стакан сока в баре, который Император посещал раз-другой в год, и проверил два открытых павильона. Его начинал бесить поиск, тем более что с минуты на минуту какой-нибудь вежливый лейтенантик внутренней охраны мог подойти и сообщить, что Император все это время ждал его в зале аудиенций.

Одно дело – когда Грей гоняет по дворцу придворных лоботрясов, и совсем другое – самому искать его под палящим июльским солнцем.

В конце концов он обнаружил Императора на морском берегу – единственной части дворцовой территории, которая располагалась не во Флориде, а на кубинском побережье. Словно полемизируя с Кертисом Ван Кертисом, Грей почти не использовал в своем дворце локальных гиперпереходов.

Для моря было сделано исключение.

Вячеслав прошел сквозь легкое мерцание туннельного гиперполя и оказался на пляже. За его спиной, подернутые легкой рябью текущего через проход воздуха, колыхались каштаны – цветущие весь год, как нравилось Императору. Впереди, на белом песке, виднелись две человеческие фигуры. В своем дворце Грей не признавал охраны – смело, не будь он бессмертным.

Увязая высокими ботинками по щиколотку, Шегал пошел к владыке Империи.

Грей был обнажен. Последние годы он не следил за фигурой и выглядел сейчас достаточно отталкивающе. Рыхлый, неровно загоревший мужчина, возрастом под пятьдесят, начинающий лысеть, с коротким клочком бороды, завитой по эндорианской моде. Рядом с ним загорала голенькая девочка лет двенадцати. По законам Терры Императору за подобные забавы грозил неплохой срок – его малолетняя любовница успела бы стать взрослой.

Но Грей, очевидно, пользовался для этого случая моралью Культхоса.

– Я прибыл, мой господин, – склоняя голову, произнес Вячеслав.

Император открыл один глаз и буркнул что-то маловразумительное. Девочка перевернулась на живот. Шегал продолжал стоять.

– Можешь раздеться и отдохнуть, – громче произнес Грей.

– С вашего позволения я постою.

– Тебе не жарко, командор?

– Нет, мой господин.

Грей с кряхтеньем присел. Почесал волосатый живот. Глянул на Вячеслава – насмешливо, но дружелюбно.

– Нравится моя маленькая подружка?

– Главное, чтобы она нравилась вам, – глядя лишь в лицо Императора, ответил Вячеслав. Глаза у Грея были мягкие, заботливые… обманчивые.

– Брось, Славик. Ты со мной почти сотню лет, так? Мне всегда нравилась твоя независимость.

– Благодарю.

– Перестань! Алиса, иди искупайся.

Девочка послушно поднялась и побежала к морю. Грей проводил ее взглядом – почти отеческим.

– Молодость… как приятно быть молодым. По-настоящему молодым. Между прочим, очень славная девочка. Увлекается инопланетной зоологией, мечтает

стать экзобиологом. Я тебя чем-то насмешил, Вячеслав?

Шегал покачал головой. На его лице не дрогнул ни единый мускул, но Грей умел чувствовать настроение собеседника.

– Ладно, Воля с тобой… Зачем пришел?

– Повинуясь вашей воле.

– Да, и правда. Я доволен операцией на Меклоне.

Шегал вновь склонил голову. Девочка плескалась у берега. У самого горизонта, вероятно, вне зоны дворца, дрожала белая точка паруса.

– Я хочу поднять твой статус, Вячеслав. Что ты скажешь о звании адмирала и должности начальника штаба силовых акций?

Несколько секунд клинч-командор подбирал слова. Потом осторожно произнес:

– Любой ваш приказ будет исполнен, мой господин. Но я оперативник.

– И?..

– Штабные стены меня давят.

– Так я и предполагал, Вячеслав. – Грей вновь растянулся на песке. Это могло быть концом аудиенции, но он продолжил: – Если не ошибаюсь, ты третий раз отвергаешь повышение.

Девочка выбралась из воды и осторожно стала подходить к ним. Вячеслав едва заметно покачал головой. Остановившись, та легла в сторонке. Умненькая.

Может, слетать как-нибудь на Культхос?

– Слава, ты лучший оперативник Империи. На твоем счету договор с булрати, разрыв оси Клакон – Мршан, разоблачение Дарлока, теперь еще и афера с

Меклоном, которые они ощутят лет через десять. Не скажу, что ты спасаешь Империю, но без тебя мне было бы труднее.

Любой из приближенных Грея отдал бы Императору после таких слов собственную жену и дочь в придачу. Шегал обошелся стандартными фразами благодарности. Грей проигнорировал это.

– Я догадываюсь о твоих мотивах, Слава. Ты немолод, у тебя за спиной два десятка аТанов, которые оплатила казна. Ты находишь свое спасение от скуки в схватках, перевоплощениях, интригах. Так?

– Да, мой господин.

– Что ж, резвись. Мне нравится твой стиль. Хочешь отдохнуть после Меклона?

– Я не устал. – Вячеслав внезапно понял, что Грей готовится изложить новое задание. Странно, обычно он вводил его в галактические игры с интервалом в год-два. Как любимое и безотказное оружие, которого достоин не каждый враг.

– Кертис Ван Кертис, – словно прочитав его мысли, произнес Грей.

Шегал ждал.

– Ты в курсе, что «аТан» ведет строительные работы на всех планетах? Отделения расширяются.

– Империя богатеет, все больше пользователей аТана.

– И Кертис ожидает их увеличения в два раза?

Грей дал ему почти минуту на размышления.

– Ну?

– Резкое снижение цен?

– Зачем? И какие потрясения ждут Империю после этого?

– В вашей власти задать Кертису прямой вопрос…

– Наши отношения с Кертисом сложнее, чем ты думаешь, Слава. Я не могу просто взять и спросить хозяина «аТана», «владыку жизни и смерти», «самого старого человека в Галактике». – В голосе Грея вдруг промелькнуло раздражение. – А ты знаешь, что я старше Кертиса на полсотни лет? Но обыватели зовут его – его! – самым старым человеком!

– Возможно, потому, что вас уже не принято относить к людям, – спокойно сказал Шегал.

Секунду Грей буравил клинч-командора взглядом. Затем покачал головой:

– Спасибо, Вячеслав. Теперь ты похож на самого себя. Мне нужны данные о Кертисе. Зачем ему увеличивать отделения компании? В аТане ли дело? Чем все это может обернуться?

– Полномочия?

– Используй группу «Щит» и любые исследовательские структуры как сочтешь нужным. Твои личные полномочия не ограничены ничем.

– Срок?

– Месяц. Я не хочу возвращаться с Преклонения Ниц, не выяснив планы Кертиса. Поэтому медлить тебе не стоит.

Клинч-командор Вячеслав Шегал вышел из локального гиперперехода со странным выражением на лице. По каштановой аллее навстречу ему шел посол Инцедиоса – несчастный и решительный одновременно.

– Не советую, – обронил Шегал.

Посол мгновенно утратил свой отчаянный задор.

– Минут через двадцать, – посоветовал Вячеслав. – Он будет мягок, насколько это возможно.

5

Ищущий Истину искоса поглядывал, как Кей ест, точнее, что он ест. Но Кей не собирался поддразнивать чужого, грызя куриную лапу: жареная рыба, которую он ел, вполне соответствовала правилам хорошего тона. Стандартное человеческое оскорбление иных рас с успехом применялось против алкарисов и булрати, задеть не удавалось лишь мршанцев. Может быть, потому, что в человеческий рацион не входили животные, напоминающие сумчатых трехполых кошек.

– Я обдумал твой вопрос, – сообщил алкарис, когда Кей закончил есть. Сам Ищущий Истину ограничился лишь парой крупных очищенных орехов. – Я отвечу.

– Хорошо, – согласился Кей.

– Наша религиозная концепция основывается на проклятом миге. В момент сотворения Вселенной, когда возникли материя и движение, был предопределен весь дальнейший ход событий. Время стало лишь функцией, отголоском первого мига. Что бы мы ни предпринимали, судьба каждого живого существа, человека или алкариса, траектория каждого фотона – все это неизбежно.

– Знаю и могу согласиться. – Кей устроился на своей подстилке поудобнее. Над долиной усиливался ветер, и плети облаков неслись по своим предопределенным маршрутам. Интересно, был ли запланирован миллионы лет назад дождь… – Алкарис, подобные идеи приняты и у людей. Но только ваша раса решила уйти из Галактики. Я слышал, вы разрабатываете солярные приводы – для перемещения своих звездных систем. Зачем?

Хохолок Ищущего Истину дернулся, и Кей понял, что нарушил принятую структуру разговора. Однако это было воспринято нормально. Как доказательство человеческого несовершенства.

– Кей, мы не приемлем заданность судьбы. Даже в самые тяжелые годы войны Ветвь направляла треть научных разработок на исследование принципа причинности.

– Результат – ваши корабли, не знающие инерции, – заметил Кей.

– Побочный результат. Основное, чего мы добились, – это доказательство существования Бога, уверенность в том, что Вселенная была сотворена с непостижимо сложной целью, и обнаружение вероятностной зоны.

Кей нахмурился. Попросил:

– А если подробнее?

Алкарис щелкнул клювом. Поинтересовался:

– Ты имеешь знания астрофизики и вероятностной механики в объеме человеческого ученого?

– Не имею даже в объеме студента.

– Тогда пример. – Алкарис спрыгнул с ящика-насеста. Окинул цепким взглядом стеклянное поле, отблескивающее багрянцем в лучах заходящего солнца. – Дай мне свой аэрозоль, создающий подстилку.

– Это довольно дорогая штука, – вручая алкарису баллон, предупредил Кей.

– За знание платят и большим. – Ищущий Истину неумело, но цепко сжал баллон в кончике крыла, направил вниз. – Эта стеклянная поверхность в нашем диалоге – модель. Модель вероятностной зоны. Это и есть мир. Вселенная в подлинном смысле. Она бесконечна и непознаваема. Она неощутима для наших приборов, поскольку не существует в виде реальности. Понимаешь?

– Да.

– Океан возможностей… свободы… океан Ничто, – почти с человеческой задумчивостью сказал алкарис. – Теперь смотри.

Он надавил на распылитель, и белые брызги ударили по спекшейся почве.

– Вот наша реальность, наша Вселенная. Каждое пятнышко – галактика, только пятнышек этих должно быть бесконечно много. Вселенная расширяется, вторгаясь в вероятностную зону. Она занимает все больший объем, но для нас, ее обитателей, истинных размеров не существует. Мы являемся частью нашей реальности и достичь ее границ не в силах. А Вселенная растет, вторгается все дальше и дальше в бесконечную Вероятность.

Алкарис вновь брызнул пеной из баллона. Чуть в сторонку от первого пятна.

– Еще одна реальность, еще одна Вселенная, – любезно сообщил он. – Между ними – бесконечность. Миры будут расширяться вечно, и чем дальше улетят наши корабли, тем больше станет мир. Но различные реальности не встретятся. Понял?

– Чем больше мы познаём мир, тем больше он становится. – Кей кивнул. – Мы не можем уйти от заданности, потому что все познанное становится предопределенным.

– Да, Вселенная сотворена, и ее творец видел всю бесконечную цепь событий, которые еще не случились. Можно просто жить. – Алкарис вновь вспрыгнул на свой ящик. – Постичь замысел Бога невозможно, а значит, и будущее нам неизвестно.

– Чего же вы хотите?

– Уйти в Вероятность. Если это возможно, если это было предопределено, то, вырвавшись из нашей Вселенной, мы окажемся в мире, не имеющем судьбы. Мы создадим ее сами.

Это было смешно, глупо, но Кей Дач ощутил уважение к чуждой расе. Расе, отвергающей Бога и созданный им мир.

– Ваши корабли… они игнорируют не просто законы инерции, – раздумчиво сказал он. – Они игнорируют причинность.

– Частично.

– Вы хотите изолировать всю свою зону космоса. Нет никакого солярного привода, который потащит ваши звезды из Галактики. Они просто вывалятся из нашего мира в эту чертову Вероятность…

– И вокруг них возникнет новая Вселенная. – Кей едва смог понять алкариса, настолько церемонной стала его речь. – Наша Вселенная. С нашей судьбой.

– Зачем? Будет ли она лучше?

– Кей Дач, эта Галактика должна была быть нашей. Корабли Ветви достигали иных звезд, когда вы еще не вышли в космос. Самые быстрые, самые лучшие в мире корабли. Булрати ползли от планеты к планете, Дарлок осторожничал, Меклон перестраивал себя, Псилон копался в тайнах мироздания, Сакра перемешивала сушу с морем, создавая болота, Основа Силикоидов обживала астероиды. Мы творили будущее. Ветвь росла. Это был наш мир!

Алкарис вытянулся, вскидывая к серому небу крылья, словно собирался презреть почти земное тяготение и взлететь. Ветер трепал тонкое тело, рожденное для высоты. Гибкая шея изогнулась, и желтые глаза впились в Кея. Речь изменилась – теперь он использовал алкарис-сказовый, и Дач с трудом угадывал смысл фраз.

– Где… сейчас наши планеты? У людей и булрати, у меклонцев и мршанцев… Где наша Ветвь… через Галактику? Одиннадцать планет, человек! Все, что… осталось! Лист Ветви, который… во тьме… мотает буря… Одиннадцать…

Ищущий Истину сжался, пряча голову под крылья. Алкарисы не были трусами, он не смотрел на Кея несколько долгих минут. Потом вновь заговорил на алкарис-командном, знакомом Дачу лучше всего:

– Люди ненавидят нас не за Смутную Войну, это так. Булрати убили больше, чем мы. Меклон травил вас вирусами, нарушающими генотип. Им все прощено. Даже ваш флот, чьи обломки десять лет падали на эту планету, – не причина. Мы посмели поддержать ваших предателей! Хааран решил прийти к Ветви, и мы согласились. Ибо это был наш мир, открытый нами прежде людей, обозначенный станцией на орбите, – как велел закон. Вы растоптали законы. Мы проиграли. Эта Вселенная – не наша!

– Да. – Кей встал, нависнув над сидящим алкарисом. – Этот мир был создан для людей.

Огонек в глазах алкариса медленно угасал. Он прощелкал, гневно и печально:

– Вероятно.

– Я знаю это точно, Ищущий Истину. Наш мир был создан для человека – одного-единственного человека. Он владыка судьбы.

– Говори, Дач. – Алкарис даже не выглядел удивленным. Он принял позу внимания, но Кей не спешил.

– Ты не собираешься делать укрытие на ночь? Если пойдет дождь, то я не хотел бы под ним оказаться.

Короткий взгляд в небо – и полупрезрительный ответ:

– Я тоже не люблю радиацию. Но это не дождевые облака. Говори.

– Мои волосы и твои перья хотели бы верить… – Кей не пытался спорить. Птицеподобная раса не любила закрытых помещений, даже для защиты от непогоды. – Хорошо. Слушай и знай. Я служил человеку по имени Кертис Ван Кертис, четыре года назад…

6

Этим утром, едва проснувшись, Рашель поняла, что не пойдет в учебный центр. Ее лимит прогулов еще не был истрачен, и сидеть в классе в такой прекрасный день она не собиралась. Постояла немного у окна, глядя на гнущиеся от ветра ветки и шлепающиеся в лужи градины, потом, в одной пижаме, спустилась в столовую.

Родителей, конечно же, дома не было. Все взрослые, имеющие хоть какое-то отношение к технике управления погодой, суетились сейчас на климатической станции. Наливая себе чай, Рашель проглядела короткую записку на мем-планшете. Неполадки на станции… вернемся поздно… к полуночи быть дома, позвоним… Ага. Удачно сломалась станция, теперь от урожая останется половина. Цены на фрукты не упадут.

Таури знала много способов поддержать свою экономику. Причем никаких неудобств жителям это не доставляло. Вчера, перед неожиданной аварией, весь постоянный персонал станции готовил столы для пикника и завозил лучшие сорта вин. Добровольцы помощники неплохо проведут время.

Рашель тоже не собиралась скучать.

До сих пор проходя мимо этого места, она чувствовала легкое подташнивание. Полянка для флаеров, старый деревянный дом, а между ними самое обычное дерево.

Огромные лапы булрати; когти, впивающиеся в тело; боль, ощутимая даже сквозь оглушение; рывки из стороны в сторону – ее вертят, как котенка, как куклу, как живой щит… И застывшее, неподвижное лицо Кея Овальда, только пистолет в его руках подрагивает, пытаясь нацелиться на чужого. Потом удар, темнота – и он несет ее на руках, а в глазах спокойная, почти равнодушная нежность.

Но он же не забыл ее…

Рашель ускорила шаг и вошла в дом. Диадема зонтика на голове перестала гудеть, отключая силовое поле.

– Не промокла? – спросила Генриетта, не оборачиваясь. Она смотрела в окно, где порывы ветра продолжали терзать сад. За высокой спинкой кресла ее почти не было видно.

– У меня зонтик.

– А ты слыхала, что при частом использовании он увеличивает риск опухолей мозга?

Рашель пожала плечами:

– Я же прошла аТан…

– аТан, аТан! В шестнадцать лет рано думать о бессмертии, – поворачиваясь, Генриетта пробормотала что-то еще, но гораздо тише. – Будешь чай?

– Грог, – рискнула предложить девочка.

– Да, теперь мы смелые, можем пить что попало, плевать на радиацию, безобразничать во флаере… добрая тетя объяснила, как отключать контрольные цепи…

Рашель покраснела. Она была уверена, что про ее опыты высшего пилотажа не знает никто.

– Грога хотим! – хрипло крикнула старушка в пространство и закашлялась. Она сильно сдала за последние годы, очень сильно. Кей, наверное, ее бы не узнал. Седые волосы, которые Генриетта перестала подкрашивать, оплывшее тело, слегка подрагивающие руки. Рашель тихонько присела рядом.

– Иди неси грог. Он уже стоял в плите.

Девушка прошла на кухню. В микроволновке остывал прозрачный кувшин. Плита была старой, явно без блока речевого управления, но Рашель это не удивило. Она подмигнула огромному черному коту, вылизывающемуся на стуле.

– Привет, Агат.

Кот покосился на нее, но занятия не прервал. Рашель достала кувшин с грогом и вернулась в холл.

– И открой окно, девочка! – капризно потребовала Генриетта.

Холодный ветер ворвался в комнату. Очень холодный – похоже, дождь превратится в снег. Рашель поежилась и сказала:

– Так весь урожай вымерзнет…

– Конечно, – согласилась Генриетта. – Получим полную компенсацию от правительства. Цены подскочат. Десяток планет обойдется синтетическими витаминами. Ничего, зато нам весело.

Фискалоччи умела испортить самое хорошее настроение. Рашель вздохнула и налила в бокалы горячего грога.

– Возьми с софы два пледа, тот, что потолще, дашь мне, – с прежней сварливой ноткой продолжала старушка. – Мы будем сидеть и разговаривать, глядя на прекрасную дождливую погоду.

После этой реплики Рашель расхотелось беседовать. Она сидела, кутаясь в плед, и маленькими глотками пила грог. Не слишком крепкий, приготовленный явно для нее, но горячий и ароматный. Термические бокалы были совсем новыми, и грог практически не остывал.

– Ладно, не обращай внимания на глупую старуху, – неожиданно сказала Генриетта. – О чем ты хотела меня расспросить, Раш?

– Так… о чем-нибудь. Про войну…

– Разве это тема для юной девушки?

– Вы же воевали…

– Другое время, Раш. Стоял вопрос – сохранятся ли люди как вид или их сметут чужие. Сейчас мир.

– Пока мир. Я не хочу всю жизнь торговать яблоками.

– Яблоками… Нормального яблока ты и не пробовала, поверь. Твоя семья растит фрукт, имеющий вкус клубники. Я продаю то, что должно было быть персиком.

Подделки, всюду подделки… Играть с генами растений не запрещено, а вот добавить капельку ума братьям нашим меньшим – ни-ни!

Генриетта закашлялась и отхлебнула грога.

– Тетя Фискалоччи… – Рашель запнулась, но все же закончила: – Почему вы не омолодитесь?

Старушка покосилась на нее:

– Девочка, для всего есть место и время. Даже для старости. Нельзя вычеркивать ее из жизни только потому, что руки начинают трястись, а ноги не держат.

Рашель без особой убежденности кивнула.

– Что ж, можешь считать меня скупердяйкой, экономящей на аТане. А давай и я задам тебе скользкий вопросик?

– Задайте.

– Ты и впрямь так влюбилась в Кея, что собираешься его найти и очаровать?

Поперхнувшись грогом, девушка повернулась к Фискалоччи:

– С чего вы взяли?

– Да с того, что я старше тебя в пятнадцать раз. Налей-ка мне еще, девочка. Так вот, то, что в твоем детстве возник герой – прекрасно. То, что ты окольными путями выводишь меня на разговоры о нем – очень мило. Изучаешь стреляющие железяки и боевые искусства, чтобы быть достойной Кея, – неизъяснимо трогательно. Я хочу лишь понять – насколько это серьезно?

– А если серьезно?

Фискалоччи помолчала. Когда заговорила вновь, в ее голосе была непривычная нежность:

– Я очень тебя люблю, малышка. Ты упрямая и упорная, тебя даже не испугает перспектива искать по всей Галактике человека, который живет под чужими именами. Но не превращай свою детскую любовь в проклятие.

– Почему это?

– Ты не знаешь, кто такой Кей Овальд.

– А вы знаете?

Рашель даже не заметила, как стала отвечать одними вопросами. Ее душила обида. За открытым окном стегали косые плети дождя, а прекрасное холодное утро стремительно превращалось в день неприятных объяснений.

– Я – знаю. Видишь ли, у меня немного развлечений. Одно из них – следить за событиями в мире. Копаться в файлах инопланетных библиотек, сопоставлять события, которые вроде бы ничем не связаны… Мне известно настоящее имя Кея, так же как ему известно мое.

Генриетта протянула руку, коснулась плеча Рашель жесткими, холодными пальцами.

– Я помогла ему четыре года назад. И помогла бы вновь, поверни время вспять, хоть это и стоило жизни многим ни в чем не повинным людям. Видит Бог, не мне его осуждать. Но Кей… Кей Альтос… хоть и это его имя, возможно, не подлинное, по сути своей обречен на одиночество.

– Альтос, – пробуя имя на слух, произнесла Рашель.

– Есть люди, которым необходимы препятствия. Для того чтобы крушить их и идти дальше. Кей из их числа. Он хороший телохранитель – это его основное занятие. Временами он работал как наемный убийца.

– Ну и что?

– Он не способен дать – ничего и никому. Он всегда будет рушить то, что сочтет неправильным. Очень редко, в переломные моменты истории, такие люди необходимы – они устраняют опасности и расчищают пути. Но и тогда созидают другие. Мне бы не хотелось увидеть, как ты встретишь его и поймешь, что Кей Альтос не умеет любить. Поверь, девочка.

Рашель молча поднялась, сложила плед и опустила его на кресло, пристроила недопитый бокал на подоконник и вышла.

– Ну вот, только хуже сделала, – пробормотала Генриетта. Рашель шла через сад, и мерцающий купол зонтика над ее головой сшибал с веток последние яблоки. Девочка была настолько не в себе, что даже не замечала этого.

– Глупая, самодовольная старая бабка, – покачала головой Фискалоччи. – И впрямь пора молодеть… пора.

7

– Все это не стоило слов, – произнес алкарис. – Станет ли человечество сильнее, погибнет ли – что это для нас, уходящих?

Кей понимал, что улавливает лишь общую канву речи – алкарис-сказовый был мало приспособлен для восприятия людьми.

– То, что создало мир, неизбежно потеряло активность. – Алкарис, казалось, не был удивлен. – Концепция равнодушного Бога, иначе – Отрешенного, не нова. Но ты поразил меня, Дач, другим. Во Вселенной существует точка, где Бог снисходит до чужих желаний? Готов стать инструментом чьих-то жалких фантазий?

Кей лишь пожал плечами:

– Я не лгу. И Кертис, вероятно, не лгал. Я видел, как плазменный заряд не смог опалить ему рубашку, и как он шел по воде, и как растаял в воздухе. Вечером

того же дня Кертис… и его сын… были уже на Терре. Мне стоило больших трудов это узнать, но я справился. Ни один корабль не преодолеет такую дистанцию меньше чем за неделю, а туннельный гиперпереход…

– Потребует энергии сотни сверхновых, – подтвердил алкарис. – Это убеждает. Но Бог не может жить на одной планете. Если он есть – то он везде.

– Я понимаю.

– К чему тогда планета Грааль?

Дач не ответил.

– Создатель Вселенной мог снизойти до человека, равно как и до алкариса, до булрати, до силикоида… Но не так. Не так, Кей Дач. В чем-то здесь ошибка.

– Я рассказал тебе правду. Все, что знаю о Граале и «Линии Грез». Ты понимаешь, почему Кертис не прошел ее сразу?

– Конечно. Он узнал, как творятся миры и что наш мир – тоже чья-то мечта.

– А ты догадываешься, чья она? Кто, в иной реальности, получил тот же подарок, что и Кертис?

Алкарис протянул крыло, словно собирался похлопать Кея по плечу человеческим жестом, абсолютно неуместным для птицеподобного.

– Я специализировался на вашем мышлении. Я могу попытаться.

– Ну?

– Самая удачливая раса Галактики. Глупее многих, с несовершенным телом, но самая удачливая. Этот мир создан для вас.

– А конкретно? Кто создал наш мир?

– Вы одержимы силой и властью даже больше, чем булрати. Это человек, который получает от жизни все, что хочет.

– Император, – тихо сказал Кей.

Алкарис опустил веки. Дач продолжал:

– Владыка Эндории и Терры, покровитель Горры, опекун Таури, властитель колоний – Грей. Просто Грей – без пышных прозвищ Кертиса. В нашем мире уже никто не сможет стать первым. Только он – Грей. Мы лишь декорации для него – единственного актера. Театр теней… под светом его власти. Кертис не вынес мысли о том, что он лишь марионетка. Решил отомстить…

– Вероятно, ты прав, и Кертис думал так же, – произнес Ищущий Истину.

– Знаешь, у Грея был еще один титул… еще три мира выделялись наравне с Террой, Эндорией, Таури, Горрой. Отец «Трех Сестер». Он выпорол непослушных дочерей.

– И ты одержим местью.

– Нет. Как отомстишь владыке мира… Я ненавижу Грея. Но не хочу такой расплаты, какую задумал Кертис – губящей всю расу.

– Мы не умеем ненавидеть долго, человек. Алкари больше не желает вашей гибели – нам это безразлично.

– Я надеялся на это.

– И что же ты хочешь от меня?

– Вы познали реальность лучше, чем кто-либо. Объясни, если Грей создал наш мир, значит, он живет вечно? Без всякого аТана живет миллионы лет?

– Не обязательно. Тот, кто создал наш мир, мог прийти в него в любой момент. Он появился в мире с готовым прошлым, вот и все.

– Спасибо. Я хочу верить, что это так и есть.

– И как же ты собираешься спасти свою расу, Дач?

– Это лишь мое дело.

– Повторю – Алкари это безразлично. Мы уходим. Я выполняю свою миссию – отдаю долг уважения тем расам, что предавали нас реже других. Ветвь накопила много знаний об этой Вселенной, теперь они не ценнее капли воды в облаках. Во мне говорит любопытство.

Дач на мгновение заколебался:

– У меня есть лишь один выход – убить.

– Кого же?

– Кертиса Ван Кертиса, или Императора Грея, или… Бога. Клекот – довольно похоже имитирующий смех. Дрожь крыльев.

– Кей Дач оказался глупее себя! Ты уже убивал Бога – сотни раз. Тебе это помогло?

– Тогда у меня лишь два кандидата. Но Грей неуязвим, раз этот мир создан его мечтой.

– Не обязательно, Дач. Ни одно разумное существо, даже человек, не стремится к полной неуязвимости. Создатель Вселенной не мог хотеть беспроигрышной игры. Он должен был допустить шанс поражения, пусть и не осознавая этого. Только чем тебе поможет гибель создателя мира?

– Кертис откажется от своих планов, я уверен. Сейчас на него давит превосходство Императора. Ты уверен, что Грей смертен?

– Повторю – тот, кто создал мир, должен был допустить шанс своего поражения. Иначе все для него утратило бы смысл – как исчез смысл для Бога.

– Ищущий Истину, – Дач перешел на церемониальный-прим, язык предельной откровенности, и алкарис в очередной раз поразился диапазону его голоса, – скажи, правдив ли ты до конца?

– Нет, человек. Все-таки мы враги.

– Что ты скрыл от меня?

– Ничего, что ты не мог бы понять сам.

Дач провел рукой по горлу, словно массируя гортань. Сказал на галактическом, сам для себя, но алкарис понял:

– Убить Кертиса или Грея – какой огромный выбор… Самые могущественные существа Вселенной…

– Власть – вот ваш бог, Кей. Она туманит и твой рассудок.

– Я не стремлюсь к власти!

– Стремишься. Но понимаешь ее по-другому. Тебе не нужна мишура титулов и тысячи юных самок. Тебе не нужно право даровать вечную жизнь. Ты – убийца по сути своей. И власть для тебя – свобода дарить смерть.

Дач покачал головой:

– Но и вы стремитесь к власти!

– Нет. Только к свободе. Потому и уходим.

– Удачи вам в пути, – сказал Кей.

– Благодарю тебя, странный человек, ненавидящий жизнь. Пожелание удачи от врага – это проклятие. Но ты враг самому себе.

Алкарис на мгновение полуприкрыл глаза. Он устал, не мог не устать. Его тело было куда менее выносливо, чем человеческое. Это всегда подводило птицеподобную расу.

– Я тоже хотел убить… убить тебя, Дач. За то, что ты посмел перехватить корабль Ветви, за то, что принудил к разговору. В этом контейнере, – короткий сухой стук лапы по металлу, – смерть. Та, что придумана людьми. Биотерминатор.

Кей вздрогнул, подавляя желание отпрянуть.

– Я передумал, знай это. Ты не принесешь удачи ни своей расе, ни своим друзьям. Продолжай жить… – Алкарис склонил голову и сообщил: – Твой корабль начал спуск к планете. Время истекает?

– Да, Ищущий Истину. – Вероятно, в перьях алкариса скрывался передатчик.

В небе родился гул – два корабля скользили сквозь атмосферу. Если в скалах израненной планеты еще была жизнь, она вжалась в отравленные радиацией камни, забилась в панике – перед неотвратимой надвигающейся смертью.

Истребитель алкарисов скользнул к земле. Перевернулся в воздухе – серебристая монетка, брошенная невидимой рукой. Замер «на ребре», повиснув над стеклянной равниной.

– О чем же ты умолчал… – прошептал Дач.

– Думай. Прощай навсегда, Корь.

Алкарис соскочил с контейнера, взялся за узкую ручку и, сгибаясь от тяжести, пошел к истребителю. Свободное крыло вздрагивало, било воздух, пытаясь удержать равновесие.

Кей отвернулся, подхватил свою сумку и стал смотреть, как в сотне метров от них Томми сажает корабль.

Они взлетели чуть позже, но и алкарисы не торопились. Медленный, плавный подъем, словно им хотелось полюбоваться местом своей самой страшной битвы и самого сокрушительного поражения.

Дач поднялся в рубку, почти бегом, Томми вел корабль аккуратно, как курсант-отличник на зачете по пилотажу. Ввалился в рубку, поймал быстрый взгляд юноши.

А парень-то волновался.

– Продолжай взлет. – Кей скользнул в свое кресло, выдвинул турель боевого пульта. Резерв мощности был. Истребитель лежал в сетке прицела – смешная цель для коллапсарного оружия. Нельзя применять его вблизи планет, но кому нужна эта планета?

– Что ты хочешь сделать? – быстро спросил Томми.

– Не знаю.

Дач держал ладонь на пластине управления огнем. Та уже потеплела, сменила цвет с красного на желтый, опознав капитана корабля. Легкое нажатие, и автоматика проделает остальное. Генераторы искривят пространство, и где-то внутри истребителя гравитация превысит предел допустимого. Пространство схлопнется, всосав в себя кораблик Алкари. Секунды… с полминуты, пока метрика мира выправится и искусственный коллапсар рассосется. Он даже не успеет достигнуть планеты и втянуть достаточно материи, чтобы стать полноценной черной дырой. Единственной жертвой будут четверо чужих.

– От них сообщение, – сказал Томми.

– Читай.

– Ты странен, Дач.

Кей смотрел на истребитель, который все медлил.

– Они запускают гиперпривод. Задержать их? – спросил Томми.

– Не надо.

Всполох – истребитель ушел в прыжок.

– Ну вас к дьяволу… или Богу, – прошептал Кей, убирая ладонь с пульта. – Проваливайте.

8

Кей никогда не давал своим кораблям имен. Его первая яхта, переоборудованная из бомбардировщика времен Смутной Войны, просто не заслуживала ничего большего, чем серийный номер. Полеты на ней, вероятно, были куда опаснее обычной работы Дача, но ему везло. Гиперкатер, который он позже смог себе позволить, имел достаточно мощный компьютер, чтобы в нем возникло то, что Кей предпочитал называть псевдоинтеллектом. Имя себе он должен был дать самостоятельно, однако гибель на орбите Грааля помешала псевдоинтеллекту понять, кто он такой.

Новый корабль оставался безымянным и лишенным какого бы то ни было подобия разума – Дач слишком хорошо понял, что металл порою слабее плоти, но боль потери от этого не уменьшается.

Из всех видов тяжелого космического оружия коллапсарный генератор был наиболее беспощадным и безотказным. Он действовал на небольшом расстоянии, но ему не служили помехой защитные поля и размеры вражеского корабля. Категорически запрещенный для частных лиц, генератор был причиной того, что Кей сумел купить корабль за те жалкие деньги, которые остались у него после Грааля. Такие корабли строились для одной-единственной акции, после чего беспощадно уничтожались. Но на этот раз кто-то решил подзаработать и перепродать паленый корабль.

Лишь три планеты человеческой Империи рисковали смотреть сквозь пальцы на законы. Лишь три планеты разрешали посадку подобным кораблям – Джиенах, Рух и Тааран, миры анархии. Грей не обращал на них внимания – пока. Позже, когда эти планеты обретут хоть какое-то значение, флот сметет их оборону,

профильтрует жителей и установит более приемлемое правительство. Миры анархии исчезнут – и возродятся на новых рубежах Империи. В каждом порядочном доме должно быть мусорное ведро, чтобы отбросы не валялись где попало.

Нормальные люди редко забираются в мусорные ведра.

Кей вывел корабль из прыжка в получасе полета от Джиенаха.

– Я отвечу? – кивая на помигивающий огнями вызова пульт, спросил Томми.

– Валяй.

– Шестьдесят семь – тринадцать, – наклоняясь над пультом, произнес Томми. – Владелец – Кей Альтос.

– Орбитальный страж Христы Крим. Ваш допуск? – Неведомый оператор небезуспешно копировал тон дешевого автомата.

На Джиенахе не было правительства, не было и единых планетарных войск. Шесть орбитальных баз принадлежали различным хозяинам. Каждая из них имела свои пароли, за которые приходилось платить ежемесячно. Кое-кто, стараясь сэкономить, покупал допуск лишь на двух-трех станциях и проскакивал на планету в их зоне контроля.

Кей, однако, никогда не любил русскую рулетку.

Томми нажал кнопку, над которой была наклеена полоска бумаги с надписью «Допуск – Крим». Кодированный пакет пароля ушел в пространство.

– Допуск принят. – Голос оператора приобрел какие-то оттенки эмоций. – Эй, Дач, послезавтра смена пароля. Мне подкопить для тебя плазмы?

– Подогрей на ней свою бутылочку с молоком. – Томми подмигнул Кею. Тот кивнул.

Короткий смех, и связь прервалась. Христа Крим всегда подбирала для своей станции операторов с пещерным чувством юмора.

– Шестьдесят семь – тринадцать. – Еще одна база приняла эстафету. – Патруль Звездной Стражи. Ждем пароль.

Нажатие кнопки. Пауза.

– Принято. Пацан, Кей далеко?

Томми и Дач переглянулись.

– Далеко.

– Ладно, привет ему от Синтии. Она бы сама передала, но у нее рот занят.

Томми, похоже, эту шутку услышал впервые. Он на секунду замялся. Дач подключился к каналу:

– Это ты, Поль?

– Ага, – с явным удивлением в голосе.

– Только заступил на свой месяц?

– Да… Дьявол, ты здорово помнишь голоса!

– И адреса тоже. Я загляну к твоей жене, передам привет. Конец связи.

– Издевался? – полюбопытствовал Томми.

– Не знаю. Лица я очень плохо запоминаю.

Прежде чем корабль опустился на посадочное поле, их успели проверить еще две базы.

– Почему всегда дежурят такие придурки? – выбираясь из кресла, спросил Томми.

Дач, ставя корабль на консервацию, помедлил с ответом:

– Вахты длятся месяц или два. Хозяева экономят на мелочах, вроде челноков.

– И что?

– Месяц за пультами, а жилые отсеки не больше, чем в нашей лоханке. Читать они не любят, TV надоедает в первую неделю, игры запрещены. Кроме как постебаться с пилотами или поджарить неудачника – никаких развлечений.

– А почему запрещены игры? – с явной обидой спросил Томми.

– Потому что в них всегда можно победить.

– Ну и что?

– Как-нибудь объясню. Пойдем.

На первый взгляд Джиенах не отличался от любой малоразвитой колонии. Улицы, растущие вширь, а не ввысь, дома из бетона и камня, дороги, залитые мягким от солнца асфальтом.

Вот только над домами слишком часто мерцали климатизирующие поля, укрывающие решетки личных гиперантенн. По узким дорогам проносились «сабборо» и «тувайсы» последних моделей. В витринах вместо дешевой штампованной одежды и пластиковых кастрюль для микроволновок, плавящихся на первой же неделе, сверкали полихромные туалеты от Диора и кухонные автоматы «вечной» гарантии.

Деньги, деньги, неуловимый запах миллиардов плыл над убогим пейзажем. Никто не строил здесь роскошных особняков – планета жила лишь нынешним днем. Обогатиться, развлечься… и уйти, прежде чем Имперский флот получит приказ навести порядок. О да, планета платила налоги казне и исправно

поддерживала Грея, чтобы оттянуть этот срок.

Но мусор уже заполнял ведро – вскоре его решат вынести. Формально в Империи не существовало рабства, а здесь было слишком много людей с пожизненными контрактами. В местной полиции удивительным образом выживали лишь уроженцы, а не присылаемые Службой профессионалы. Ну а реклама «курортов» Джиенаха красовалась на стенах всех турагентств Империи. «Традиционная школа детского массажа», «Танцоры-булрати в ритуалах прихода весны», «Секции медитации и самопознания».

Джиенах предлагал любой секс, любые наркотики и любую нейронную стимуляцию. То, от чего отказывалась Семья, было для этой планеты нормой. Даже порнофильмы и эротические журналы здесь снимали вживую, а не предлагали покупателям разрешенные министерством культуры компьютерные инсценировки. Многих это привлекало, хотя машины производили для людей куда более красиво поставленные и «снятые» зрелища. Организованные туристы были на Джиенахе в полной безопасности. Их патронаж осуществляли самые влиятельные кланы. Для одиночек проблем было больше.

Дач не стал брать такси – день только клонился к вечеру, жара спадала, а до темноты было еще далеко. От космопорта до города они добрались в вагончике монорельса, а от станции пошли пешком по узкой ленте тротуара. Не слишком хорошо одетая, но явно небезопасная пара – на поясе Кея открыто висел «Шершень», а на груди поблескивал жетон телохранителя личной категории. Томми внушал прохожим опасения скорее спокойным взглядом, чем столь же откровенно демонстрируемым «Шмелем».

Компания гопников, идущая навстречу, слегка притихла и ускорила шаг. Девушка с повязкой пожизненного контракта на руке опустила глаза. Клан ее хозяина был не настолько силен, чтобы защищать всех своих рабов, тем более уже не слишком молодых и красивых.

– Плесень, – тихо сказал Дач, проходя мимо очередной рекламы. Голографическое панно приглашало в клуб «всевозрастного садомазохизма». Подобные были по всей Империи, но туда мазохисты приходили по своей воле. Здесь ими почему-то оказывались пожизненные контрактники, нередко – несовершеннолетние.

– Ага, – почти равнодушно согласился Томми. Его шестнадцать лет и без того были недолгим сроком, но он помнил лишь пять последних лет. Четыре из них прошли с Кеем на Джиенахе.

Дач глянул на юношу, но не сказал ни слова. Он знал, на что идет, беря с собой мальчишку на анархическую планету. Либо его психика закалится, станет непробиваемой для любой дряни, либо Томми превратится в циничного подлеца.

До сих пор Кей не мог понять, что же произошло и не возник ли третий вариант – холодное безразличие.

– Я забегу, возьму пива. – Томми кивнул на открытые двери магазинчика. Кей бросил взгляд на вывеску – магазин охранялся кланом Крим. Вполне надежное заведение. В такое он рискнул бы отпустить Томми даже в самом начале, когда ему было двенадцать.

– Мне пару темного, – останавливаясь, сказал Кей. Ему не хотелось рафинированной прохлады, после которой духота навалится с новой силой.

Томми побежал к двери – стройный темноволосый юноша, с еще мягким по-детски лицом, в синих джинсах и футболке с надписью «Большая игра – Смерть!», помогающей казаться своим среди джиенахской молодежи. Во взгляде, которым проводил его Кей, не было любви – только привычная заботливость.

В конце концов, надо ведь отвечать за тех, кого приручил, хотя видит Бог – тот самый Бог – своего маленького убийцу он приручать не собирался.

Дач стоял на тротуаре, глядя в темнеющее небо. Будет дождь – короткий, но все равно приятно. Краем сознания он фиксировал каждого прохожего, оказавшегося слишком близко, неподвижные отблески окон и вращение детектора оружия на перекрестке.

Профессионал его профиля и класса не расслабляется никогда.

Сон был кошмаром, но Кей забыл о нем, когда скрипнула дверь и пришлось проснуться. Прежде чем вошедший Томми включил свет, прицельный луч уже коснулся его груди нежным оранжевым пятнышком.

Секунду они смотрели друг на друга – Дач с кровати, Томми с порога. Потом Кей спрятал бластер под подушку. Не «Шершень», на котором не уснул бы и толстокожий булрати, а обычный «Шмель» – излюбленную модель профессионалов.

– Решил стать лунатиком или увидел во сне псилонца? – закипая, спросил Дач. – Я два раза по одному человеку не промахиваюсь…

– Ты кричал.

– Что?

– Кричал. Это тебе что-то приснилось. – Томми пожал плечами, выходя.

– Подожди. – Кей сел. Адреналин еще буйствовал в крови, но теперь он вспоминал. – Что именно я кричал?

Томми заколебался. Потом, словно передразнивая голос Кея, прознес:

– Не смотри на меня… Не смотри!

Кей вспомнил.

– Я пойду.

Дач посмотрел на часы. Четыре по стандартному циклу. На Джиенахе короткие дни и ночи, за плотными шторами уже вовсю рассвело.

– Сядь, Томми.

Юноша присел на кровать. Спальня была маленькой – как все в этой дешевой квартире. Дач рылся в тумбочке. Достал бутылку бренди и отхлебнул. Спросил:

– Будешь?

– Я же еще маленький, – с очаровательной улыбкой ответил Томми.

– Не паясничай.

– Нет. Не хочу.

Кей поставил бутылку на пол, но пробку закрывать не стал.

– Ты еще собираешься спать?

– А что?

– Я хочу тебе кое-что рассказать. После этого ты не уснешь.

– Говори. – Томми зевнул. – После твоего вопля я бодр и крепок.

Дач сделал еще глоток. Он казался скорее возбужденным, чем подавленным.

– На самом деле я этого не кричал.

– Неужели?

– Тогда не кричал. На Хааране.

– Где тебя прозвали «Корь»?

– Вот именно. Понял почему?

– Я глянул в медицинском справочнике. – В голосе Томми появилось любопытство. – Ничего особенного, но тридцать шесть лет назад была пандемия.

Погибали в основном дети.

Их глаза встретились, и Дач кивнул.

– Молодец. У нас тогда была неделя… от силы две. И негласный приказ – не оставлять живых. Колония должна была погибнуть вся, чтобы ни один мир Империи больше не посмел переметнуться к чужим. Вся, понимаешь? Неделя сроку, и никакого тяжелого вооружения.

Он потянулся к бутылке, но остановил руку.

– Десяток бомбардировщиков справился бы за день. А так… двадцать тысяч добровольцев на планету с полумиллионным населением. Правда, у нас были тяжелые танки, они и проутюжили всю их армию. Такую же скороспелую, как наша. Все взрослые мужчины Хаарана… с дрянным оружием в руках. Осталось четыреста тысяч. Женщины и дети.

Томми передернул голыми плечами.

– Эта сука… прославленный подручный самого Лемака… полковник Штаф… – Голос Дача неожиданно дрогнул. – Он согнал гражданских в концлагеря… импровизированные. Стадион, полный женщин и ребятишек, пустырь, обнесенный колючкой под током и полный детей… Они шли, как овцы. Ожидали сортировки и ссылки. Он собрал их вместе, Томми! Понимаешь? Было бы легче по домам… поодиночке. Но часть бы ушла, сообразила. Заселен был лишь один материк, голая степь, не спрячешься, но часть бы ушла.

– Выпей, – тихо сказал юноша.

– Мы тянули три дня. Ждали военных кораблей… террор-группы с их газами и вирусами, просто бомбардировщики. Потом Штаф собрал офицеров… у меня было временное лейтенантское звание. И сказал, что придется работать самим.

– Выпей, Дач.

Кей глотнул.

– Многие отказались. Очень многие. Наотрез. Их посадили в транспорты и отправили обратно. Все долетели. Потом им дали ордена, этот сраный «Клинок огня» второй степени. Все честно. Осталась половина, даже меньше. Те, кто понимал – надо. Девять тысяч. Мы прикинули – по сорок четыре на каждого. И по четыре десятых. – Он засмеялся нелепым, чуть пьяным смехом. – Подростков твоего возраста были готовы убивать все. Женщин, как ни странно, тоже. Труднее оказалось с детьми. Я первый сказал, что смогу. И добавил, что корь в прошлом году убила в десять раз больше детей, чем мы, при всем желании, сумеем. Вот и заслужил… прозвище. Имен в газетах не было, цензура бдила. Но слова лейтенанта, «который стал корью», гуляли по страницам долго. Как алкарис узнал имя, почему запомнил – не знаю.

– Это было нужно, Кей? Убивать всех?

– Со стратегической точки зрения – уже нет. Инфраструктуру планеты мы развалили, трудоспособных мужчин перемололи броней. Эти ошалевшие женщины и ревущие детишки алкарисам подмогой бы не стали. А вот с политической… не знаю. Ты хочешь слушать дальше?

Томми едва уловимо заколебался:

– Да… пожалуй.

– В моей группе было девять солдат. Нам досталась гимназия, где держали полтысячи учеников. От шести до шестнадцати. Они трое суток провели в спортзале, спали вповалку, ели какую-то дрянь, постоянная очередь в единственный туалет, от которого несло на весь зал. В первый день, как сказали охранники, они еще пели песни, школьные гимны… потом перестали. Мы зашли, и я сказал, что всех отпускают по домам. Чтобы выходили поодиночке, расписывались в журнале и запомнили гнев Императора на всю жизнь. Они сразу ожили и загалдели. Я стоял во дворе с лазерником «Старый Боб», с тех пор ненавижу эту модель. Вечер, полутьма. Дети выходили, я стрелял со спины. Ни шума, ни крови… лишь волосы на затылке дымились. Двое наших оттаскивали трупы за угол, на пустырь. Через полминуты – следующий. Так – трое… Потом я попросил смену, и ребята, эти вчерашние фермеры, которые верили в Долг, но шли как на собственную казнь, вдруг легко согласились. Минут пять я блевал в учительской, потом умылся и пошел таскать тела. Знаешь, что я увидел? Эти два недоумка, которые первого пацана несли как спящего сына, сейчас выкладывали на бетоне телами слово «ГРЕЙ». Я надавал им по морде, решил, что

с перепугу нажрались наркотика. Вроде бы помогло. Потом пошел в зал, где было еще шесть рядовых.

Мне стало совсем не по себе. Нет, они не били детей, не запугивали, не насиловали девчонок постарше. Просто над ними, мучениками-добровольцами, вдруг стал витать веселый энтузиазм. «Мальчик, пропусти девочку вперед! Будь вежлив!», «Малыш, ты сам домой доберешься? Правда? Ну, иди…» Все были как обколотые, все. Рыжий толстяк, который рыдал по дороге и говорил, что у него самого двое детей и зря он согласился, студентик, что с утра не вылезал из сортира – нервный понос его прохватил. Все – пьяные. От крови, смерти, власти. А то, что власть над детьми, их сводило с ума еще больше. Тогда я понял – чем беззащитнее жертва, тем слаще это чувство. На их примере понял. Я-то начал убивать, еще когда сам был ходячей соплей…

– Кей, не надо. – Томми вдруг коснулся его плеча. – Перестань, не рассказывай. Тебе плохо от этого.

Дач смотрел на его руку долго и с удивлением. Потом покачал головой:

– Я закончу. Я снова пошел на выход, взял винтовку, стал ждать. Вышел мальчик лет восьми – и обернулся. Словно почувствовал что-то. Посмотрел на меня и сказал: «Не надо!»

– Так ты ему крикнул «Не смотри»?

– Хотел крикнуть… Парень, студентик, который вел мальчика по коридору, схватил его за плечи и закричал: «Стреляй щенка!»

– И ты…

– Выстрелил, – сухо сказал Кей.

– Все-таки ты дерьмо.

– Что-то подобное мне сказали в штабе. Правда, по другому поводу – когда я доложил, что после выполнения задания вся группа погибла в засаде. На проверки не было времени. Мне не поверили, но ничего выяснять не стали.

– И что, засада была?

– Из одного человека. А теперь иди и дай мне спокойно разобраться с бутылкой.

Пожав плечами, Томми вышел.

10

– Честно говоря, мне все равно, кого придется убить, – сказал Кей. Томми, не прекращая намазывать джемом тост, искоса посмотрел на него:

– А мне – нет.

– Понимаю. Но добраться до Ван Кертиса куда сложнее, чем до Императора. Так что можешь расслабиться.

Юноша хмыкнул, пожимая плечами. Спросил:

– А что, другого выхода нет?

– Видимо, нет. Алкарис посчитал планы твоего отца вполне реальными. Он действительно способен вывести часть людей в иные вселенные. Грею после этого конец, но и всей Империи – тоже. А еще алкарис считает, что Грея можно уничтожить.

– Верю. – Томми налил себе кофе. Посмотрел в широкое, на всю стену маленькой столовой, окно. На улице было пасмурно и тихо – Джиенах просыпался поздно.

– Если бы ты был Кертисом-старшим, то отказался бы от затеи с «Линией Грез» после смерти Грея?

– Я бы вообще ее не начинал. Свалил бы сразу. – Томми улыбнулся, на мгновение превращаясь в молодого человека с обложки журнала мод. – На фиг надо.

Дач помолчал. Томми, казалось, даже не помнил о их ночном разговоре. И сейчас его ничто не удивляло.

– Знаешь, ты иногда напоминаешь мне силикоидов. Спокойствием.

– Тогда уж клаконцев.

– Это ты зря. Они очень эмоциональны… просто их эмоции трудно понять.

– Тебе виднее. У тебя-то тоже реакции нестандартные.

Дач подавил желание влепить парню оплеуху. Слишком давно начался у них такой стиль общения, чтобы стоило его менять. Вначале он даже был рад – когда затаенный страх у мальчишки уступил место равнодушной иронии.

Потом стало поздно.

– Ты понимаешь, что я сказал?

– Что хочешь шлепнуть Императора. Но ты вроде всегда этого хотел.

– Теперь я перейду к делу.

– Будешь брать дворец штурмом?

– Нет. Через месяц – Преклонение Ниц.

Томми потянулся за салфеткой. Заметил:

– Императора, кажется, убивали раз пять. Хочешь быть шестым, забывшим об аТане?

– Я помню о нем всегда, мальчик. Это моя проблема, как ты когда-то сказал. Верно?

– Ага. – Томми поднялся. – Твой кофе остыл. Я пойду?

– Завтра мы вылетаем… на Таури или Эндорию – еще не знаю. Ты со мной?

– Конечно. Можно подключиться к игровой сети? Сегодня в виртуалке четвертьфинал «Властителей».

– Дьявол. – Кей встал, хватая Томми за руку. – Для тебя что, беготня по электронным лабиринтам важнее жизни?

– Одно другому не мешает.

– Томми, мы сейчас говорили о том, что даже в замысле карается смертью. Все, теперь мы смертники! Понимаешь? У нас нет шансов, абсолютно нет! Я просто не вижу для себя иного выхода, кроме как попытаться. Я всегда воевал за человечество, пусть оно меня не слишком-то и любило. Тебе встревать не обязательно, ты даже можешь вернуться к Кертису, он простит. Но ты соглашаешься сдохнуть и идешь махать мечом в несуществующем мире! Томми, что с тобой?

Юноша пожал плечами. Дач вдруг почувствовал себя старым, очень старым, впервые за прожитые полвека. Древним идиотом, умеющим убивать и разговаривать на языках чужих рас. И не понимающим единственного человека, пацана, вместе с которым собирается умереть.

– Дач, я просто люблю играть. Вот и все. Что мне теперь, сидеть и переживать, что нас шлепнет охрана Грея?

Томми смотрел на Кея, и на мгновение тот узнал в нем Артура. На какой-то миг они стали похожи не только внешне – мальчик, которого он вел на Грааль, и мальчик, убивший Кея на Каилисе.

– Иди, – Дач отпустил его руку, – воюй. Мне надо нанести пару визитов и обновить пропуск. Кстати, хочешь объясню, почему на орбитальных базах запрещено играть?

– Да.

– Как я говорил – потому что в любой игре можно победить.

– Ну и?.. – В голосе Томми вдруг дрогнула жалобная детская нотка.

– Что ты делаешь, когда тебя в игре сбивают или полосуют на кусочки?

– Перегружаюсь и иду по-новой.

– Вот именно. К этому быстро привыкаешь. Веришь, что смерть обратима…

– Она и так обратима.

– …и всегда можно начать заново. Вместо ярости остается азарт. Вместо ненависти – честолюбие. Вместо страха – обида. Ты можешь быть асом в лучшем пилотажном симуляторе, но грохнешь свой корабль на первой же посадке. Можешь быть снайпером лучше мршанцев, но не подстрелишь врага даже из интеллектуальника. Ни один профессионал не играет в игры.

– Значит, я любитель…

– На твоей майке, Томми, написано «Большая игра – Смерть!». Это не так. Большая игра – это жизнь. Скажи, что будет, если я войду с тобой в виртуалку, в этот ваш долбаный лабиринт с монстрами?

– Профессионалам запрещено, – быстро ответил Томми.

– Правильно. И не потому, что я займу первое место, – там слишком много непонятного для меня. Но игру вам испорчу. Я там стану жить. А жизнь такая грязная штука, что все скользкие огнедышащие монстры, о которых ты взахлеб рассказываешь по утрам, покажутся тебе милыми и добродушными. Иди играй. Но помни – не во всех играх побеждаешь… Черт, это в тебе, наверное, от Арти осталось. Бесконечный аТан. Но он-то понял в конце концов…

Кей вышел быстро, не дав Томми ответить.

Часть вторая

Ванда Каховски

1

– Беленной неведомо понятие добра и зла. Беря за точку отсчета мораль иных рас или даже различных социальных групп людей, мы получим результаты столь разные, что критерии будут утрачены полностью. Этично ли уничтожение слабых индивидуумов? Да, с точки зрения булрати или общества Кииты. Этично ли уничтожение потенциально разумных инопланетных видов? Да, с точки зрения всех рас, кроме Алкари и Псилона.

Мы встали перед проблемой общей морали с того момента, как человечество начало галактическую экспансию и утратило единство. Ни церковь Единой Воли – в силу своей синтетичности, ни власть Императора – в силу неизбежной гибкости правления не способны дать людям коллективные моральные ценности. Самым печальным является то, что любая попытка ввести в социум единую этическую систему явится причиной его развала, так как изменения в психологии жителей разных планет зашли слишком далеко…

Кей, откинувшись в кресле, слушал негромкий голос корабля. Хорошо поставленный и не несущий ни капли эмоций. Когда в рубку вошел Томми, он лишь мимоходом посмотрел на него.

– Идеальным решением проблемы морали явилось бы такое общество, где каждый индивидуум станет абсолютно независимым от других и сможет действовать в соответствии со своими представлениями о добре и зле. Подобный мир был бы, вероятно, чудовищен с точки зрения любого внешнего наблюдателя. К счастью, это невозможно, так как потребует, по сути, создания миллиардов вселенных – для каждого разумного организма.

Нынешнее положение дел облегчается разнообразием социальных структур и развитием межзвездных перевозок. Любой трудоспособный человек способен оплатить перелет в импонирующий ему мир. Закон Империи о свободе миграции, один из немногих реально действующих, дает ему юридическое право на такой поступок. Однако сам факт существования выбраковочных комиссий на Кииите

или традиция ранних браков на Культхосе выглядят аморальными с точки зрения других колоний, порождая напряжение и конфликты, подобные Таурийско-Ротанскому противостоянию. Еще более сложная ситуация возникает в тех случаях, когда в конфликт вступают иные расы. Трагедия Хаарана, закончившаяся чудовищной по масштабам и жестокости бойней беззащитных граждан Империи, поставила этот вопрос со всей очевидностью.

Остается признать – если какое-то чудо не даст людям, а в идеале и чужим, универсальных законов этики, рост напряженности будет продолжаться. Пройдут десятки или сотни лет, и социальный антагонизм колоний разорвет Империю.

Отбросив детали, могу сказать – я веду речь о пришествии Бога. Только сверхсила, непостижимая для понимания, способна стать тем авторитетом, перед которым склонится человеческий индивидуализм. Замена понятия «Бог» понятием «Воля» стала отражением нашей разобщенности. Пора вернуться к истокам и почувствовать страх перед небом.

Дач засмеялся. Сказал, обращаясь к Томми:

– Страх перед небом – это правильно. Это полезно.

– Что ты слушал?

– Ярлык! – скомандовал Кей.

– Академик Имперского института социальных проблем Николай Левин. Статья в «Ежедневном Имперском дайджесте» от семнадцатого мая пятьсот шестидесятого года. Последующие публикации…

– Хватит. Забавно, Томми? Среди бульварной мути в ежедневнике проскакивает статья на социальные темы. А потом дублируется две сотни раз по всей Империи.

– Кертис?

– Да. Твой отец готовит почву для «Линии Грез». Еще месяца два, и он объявит, что проблемы Империи решены. Можно получить свой мир… под свою мораль.

– Ясно. Дач, а ты сам совсем не хочешь «Линии Грез»?

Кей заколебался:

– Хочу. Только идиот может отказываться от исполнения желаний. Но это слишком большой подарок для чужих – уйти из Вселенной. Я бы все время вспоминал наш мир, который остался за спиной.

– Я тоже.

– Врешь ведь, – равнодушно сказал Кей. – У тебя нет никаких чувств к реальности – ни любви, ни ненависти. Ты пошел со мной, а не с Кертисом только потому, что роль копии клона слишком уж незавидная. Даже Артур, воспитанный Кертисом как сын, ничего, по сути, не значит. Ты был бы еще более беспомощен. Так, ходячая ошибка, напоминание о давней неудаче.

– Ну и что? Все равно мне жилось бы куда лучше, чем под твоим присмотром.

– Конечно. Но ты ведь пошел со мной.

– Пошел…

Дач засмеялся:

– Я даже знаю почему, хоть ты и напускаешь тумана. Ты завидуешь Ван Кертису и надеешься, помешав его планам, стать с ним наравне. Потом войти с ним в долю. Не как Артур – помощник поневоле, пародия на сына, а как полноценный партнер, брат. Если бы я решил уничтожить Ван Кертиса, ты бы меня попытался убить. Дело знакомое и, по твоему мнению, нехитрое.

Томми молчал. Дач протянул руку, потрепал его по плечу:

– Не рассчитывай на это, мальчик. Еще никто не убивал меня дважды.

– Если ты так думаешь, то тебе следовало меня убить, – зло сказал Томми. – Или продать в какой-нибудь публичный дом Джиенаха.

– Зачем? Навар небольшой, а компаньона я потерял бы. – Кей покосился на экраны. – Пристегнись, мы у точки выхода.

– Ты не прав. Я к тебе очень хорошо отношусь.

– Хорошо – это меньше, чем ничего. У нас так и не получилось стать друзьями, вот что неприятно. Партнеры с временно совпадающими интересами – да. Не более.

– У тебя вообще друзей нет!

– Это роскошь, которой я недостоин…

По кораблю прошла дрожь – гипердвигатели отключились. На экранах визуального обзора тьму сменила белесая муть.

– Кладбище нерожденной материи, – сказал Кей. – Алкарисовская Вероятность так и выглядит, наверное. Мы сейчас проходим сквозь триллионы несуществующих миров.

– Поэт…

Вспышка – и снова тьма на экранах, разбавленная искрами звезд.

– Далеко вышли, – заметил Томми.

– На нашем корабле к нормальным планетам не приблизишься. У Таури очень приличная оборонная сеть, если заметят коллапсарный генератор – в пыль сотрут. Ты подготовил шлюпку?

– Если ты о ржавом гробе, который купил на свалке, то да, подготовил. Отключил блок безопасности, и пульт разблокировался.

– Молодец. Иди за вещами, я выведу корабль на дальнюю орбиту.

Томми пошел к люку слегка покачивающейся походкой. Генератор гравитации был отлажен кое-как, и поле искусственного тяготения отличалось дивной неравномерностью. На пороге он остановился:

– Кей, почему все-таки Таури, а не Эндория?

– Здесь живет женщина, которую я мог бы полюбить.

– Почему мог бы?

– По возрасту не сходимся.

Если бы Рашель слышала этот разговор, то ее радость была бы недолгой.

– А, та девчонка… – пробормотал Томми.

– Нет, та старуха.

2

Рашель пришла к Генриетте через три дня после ссоры. Непогода еще продолжалась – ледяные шквалы и короткие ливни, добивающие остатки урожая. Впрочем, теперь это действительно были сбои разлаженного климатизатора – баланс спроса и предложения уже восстановили.

– Я вам яблок принесла, – не здороваясь, сообщила девушка. – У нас еще есть немного, а ваш сад вымело начисто.

Старушка, занимающаяся довольно необычным делом – разборкой древнего лучевика «Карьера», отложила оружие. Задумчиво посмотрела на Рашель:

– Я-то думала, ты еще с неделю обижаться будешь…

– А я и не обижаюсь вовсе. Просто не согласна с вами.

– Садись. Нет, вначале яблочки на кухню отнеси. И включи плиту.

Когда через несколько минут Рашель вернулась, лучевик куда-то исчез, уступив место подносу с кофейником.

– Спрашивай, – добродушно сказала старуха. – У тебя все желания на лице видны, девочка.

– Как вступить в Лигу Телохранителей?

Генриетта издала странный звук – полусмешок-полувздох:

– Очень просто. Когда через два года ты станешь совершеннолетней, то можешь подать заявление в местный филиал Лиги, заплатить взнос и получить категорию «М». Если через год наберешь полсотни баллов по шкале сложности, то перейдешь в категорию «Н» – это уже полноправный член Лиги. Еще сотня баллов – категория «О». И так до категории «Х» – двенадцатой, наивысшей среди общих.

– А что означают эти буквы?

– «Х» – хранитель, «О» – опекун, «Н» – наблюдатель…

– А «М»?

– Мясо.

Рашель молчала.

– Из группы «М» переходят в «Н» около сорока процентов. Остальные платят отступной взнос… или гибнут.

– А Кей в категории «Х»?

– Нет. Он в первой сотне – это уже именные категории. У него была «С», если я не запамятовала.

– Смерть? – Девушка подняла глаза.

– Да. Умница. Именных категорий всего три. «А» – ангел, «Д» – дьявол и «С» – смерть. Они характеризуют устоявшийся стиль работы.

– Вам меня не переспорить.

– И не собираюсь. Если хочешь пойти в Лигу – я даже помогу тебе тренироваться. У меня у самой почетная категория «Х». В Лиге можно научиться многому, другое дело, что найти Кея это тебе не поможет.

– Посмотрим…

В дверь постучали – тихонько, деликатно. Генриетта нахмурилась:

– Кажется, я заболталась… или оглохла на старости лет. Открой.

Рашель встала, поворачиваясь к двери, но та уже открывалась. Генриетта не шевелилась, лишь опустила руку в корзинку с вязанием.

На пороге стоял Кей Альтос, член Лиги категории «С», и стройный темноволосый юноша, показавшийся Рашель смутно знакомым. Оба в шортах и легких рубашках – уместных на Таури всегда, кроме этих дней. Оба были мокрыми до нитки.

– Долго будешь жить, Альтос, – сказала Генриетта, вынимая руку из корзинки.

– Сомневаюсь, госпожа полковник. Кстати, для друзей я Дач.

– Да? Что ж, – старушка осторожно выбралась из кресла, – наверное, я соглашусь называть тебя так… Привет, Артур.

Юноша покачал головой.

– Это не Артур. – Кей пристально оглядел Рашель. Усмехнулся, заметив серебряное колечко. – Здравствуй, партнер. Ты выросла… Раш.

Девушка слабо кивнула. Улыбка, неуверенная, как зимний рассвет, задрожала на ее лице.

– Здравствуйте…

– Дай тебя обнять, что ли. – Генриетта медленно проковыляла к Дачу. – Поражена… признаюсь.

Она похлопала Дача по плечу. Ехидно поинтересовалась:

– Как рыбка на Маретте? Ловится?

– Мы прилетели с Джиенаха. – Кей бережно взял руку старушки, коснулся ее губами. – Полковник, я нуждаюсь в вашей помощи.

– Только ты?

– Нет. Империя. Раса. Мир рушится… госпожа Каховски.

– Я давно не слышала таких слов… и этого имени. – Голос старушки стал ледяным. – Я старая женщина, гражданка тихой планеты.

– Не время для игр, полковник Каховски. Приближается война… пострашнее Смутной.

Рашель оторвала взгляд от Кея, с трудом, и посмотрела на Фискалоччи, которую тот упорно называл Каховски. Морщинистое лицо старухи исказилось.

– Что ты несешь, Дач? Ты не знаешь той Войны.

– Я знаю будущее. Проснитесь, Ванда. Прошу вас.

Каховски пожевала губами. Хмуро сказала:

– С тебя целая лужа натекла, Кей. Под дождь попали?

– Таури взяла в обычай встречать меня плохой погодой.

– Многовато чести. Помнишь комнату, где жил?

– Да.

– Переоденьтесь. В шкафу должна быть одежда ваших размеров. Как тебя зовут, мальчик?

– Томми.

– Ты брат Артура?

Томми и Кей переглянулись. Дач кивнул.

– Я – результат ложного аТана. Копия Артура… копия клона Кертиса Ван Кертиса.

– Боги. – Ванда поднесла руку к губам жестом, который почти не был наигранным. – Что еще? Нет… идите и переоденьтесь.

Кей кивнул. Проходя мимо Рашель, так и не сдвинувшейся с места, он коснулся губами ее лба.

– Я сойду с ума, – сказала старуха, глядя, как они поднимаются по лестнице. – Или уже сошла.

3

Дач быстро рылся в шкафу. Здесь было очень много одежды. Интересно, для кого одинокая старушка, чей муж, похоже, дома и не появляется, держит такой

гардероб? Костюмы, комбинезоны, туники, платья – всех размеров и стилей.

Он нашел светлый костюм спортивного кроя, который был ему почти впору, голубую рубашку и короткий белый галстук с крошечной эмблемой Лиги Телохранителей. Кей не собирался скрывать свою профессию, и галстук показался ему вполне уместным. Томми выбрал черный комбинезон, словно в пику ему. Дачу было плевать. Прошлое, неощутимое как алкарисовские «вероятности», оживало вокруг.

– Мы сюда притащили Арти после компенсатора. Он был без сознания, я его уложил вот в той комнате. А сам что-то рассказывал Генриетте и ее мужу. Забавный такой старичок, по-моему, ему не терпелось вернуться в центр управления погодой, к своим компьютерам. Игроман, как ты.

– Угу. – Томми повертелся перед зеркалом, придирчиво оглядывая себя. Пригладил мокрые волосы и стал закатывать рукава комбинезона. Очевидно, по какой-то молодежной моде.

– Здесь его, наверное, и взяли… – Кей оглядел комнату, словно рассчитывал найти следы давнего разгрома. – Тот покойный булрати и механистка…

– Его схватил меклонец, – сказал Томми. – И не здесь, а в той самой комнатке, где он жил. Артур мне рассказывал, по пути к Граалю.

Кей замолчал, аккуратно завязывая галстук. Отодвинул Томми от зеркала.

– Хоть под венец, – сообщил ему Томми. – Немножко грима – и порядок.

– Ты допрыгаешься.

– Да ладно, Кей. Я любя.

– Любил меклонец дождик… Понял стиль общения с полковником Каховски?

– Откровенность?

– Полная. Такую не проведешь.

– А с девчонкой?

– Еще не знаю… – Кей посмотрел на Томми. – Но не вздумай ее обидеть. Она была моим партнером, пусть и в одной-единственной схватке.

– Да я и не собираюсь…

– И не собирайся. Пойдем.

Внизу никого не оказалось. Зато дверь в столовую была приоткрыта, и оттуда слышался легкий шум.

– Ага, завтрак у нас будет, – удовлетворенно произнес Томми.

– Обед. Пора переходить на местное время.

По сравнению с гостиной – деревянные стены и кустарная мебель – столовая выглядела диссонансно. Казалось, что этот кусок дома небезуспешно имитировал обстановку военных кораблей: тускло-серый пластик стен, анатомические стулья, покрытый керамической пленкой стол. Лишь кресло, в котором сидела Ванда, было таким же, как в гостиной, – обитое велюром чудовище, в котором бы уместились и двое.

– Тоска по молодости, Кей, – перехватив его взгляд, сказала старушка. – Обычное дело для ветеранов… некоторые даже приспосабливают под жилье старые корветы.

– А вы обошлись столовой.

– Кухня – женское дело, не так ли? Кухня, киберцентр и койка – три «К», для которых нас держали во флоте.

– И удержали? – Кей присел за стол, не глядя опустил руку к пульту, подрегулировал форму кресла. Подмигнул Рашель, возившейся у плиты, та торопливо отвернулась.

– Да нет, конечно… Девочка, не мудри! В этой плите очень бедный выбор блюд. Включи седьмой рацион – двух мужиков он удовлетворит полностью.

Дач ухмыльнулся:

– Седьмой? День рождения Императора?

– Или начало боевой операции. Каким кораблем вы прилетели, Кей?

– Своим. Он на орбите, мы садились в шлюпке. Лететь пассажирским не было денег.

Каховски покачала головой – не то с сочувствием, не то с неодобрением.

– Кей, ты меня огорчаешь. Профессионал твоего уровня не может заработать на билеты?

– Работа на Джиенахе уж больно грязная. И слишком часто хочется пришить собственного клиента.

Рашель принялась вынимать из плиты тарелки. Тонкий фарфор казался неуместным в казарменной обстановке.

– Здесь я пошла наперекор своим воспоминаниям. – Ванда явно чувствовала чужое настроение. – Что поделаешь, люблю тонкую посуду… Рашель, в баре, в гостиной, вина. Принеси «Ночь желаний». Фривольное название, но какой букет…

– Полковник всегда так тебя гоняет? – спросил Дач вслед Рашель. Остановившись, та заулыбалась – так радостно, что Кею захотелось отвести глаза.

– Нет, это сегодня…

– Да иди же ты, Господи! Не пялься на старого негодяя! – тонко крикнула старуха. Рашель выпорхнула из столовой.

– Зачем ты раскрыл меня при ней? – спросила Ванда, мгновенно меняя тон. Томми, маявшийся в уголке стола, вздрогнул.

В голосе Фискалоччи-Каховски была смерть.

– Нам понадобятся люди, полковник, – спокойно ответил Кей. – Рашель способная девочка, она подойдет. Пусть знает все.

– Что – «все»? Зачем понадобятся? Ты решаешь что-то за меня, Альтос… тьфу… Дач!

– Я просто не сомневаюсь в вашем решении, – примиряюще сказал Кей. – А Рашель очень умная девочка, насколько я вижу – физически развитая…

– Ты дерьмо! Эта девочка уже четыре года влюблена в тебя! И не говори, что не видишь этого. Хочешь впутать ее в свои дерьмовые игры? У тебя хоть что-то человеческое есть?

– Дерьмо, – поднимая глаза, ответил Кей.

Секунду Каховски молчала. Потом разразилась тонким, захлебывающимся хохотом:

– Дач… вот скотина… я еле шевелюсь, а ты меня смешишь… на кусочки ведь рассыплюсь…

– Госпожа полковник, я не собираюсь ни во что втягивать девочку, – тихо сказал Кей. – Но хочу, чтобы она все услышала, хотя бы в качестве третейского судьи.

– Рашель? – Ванда снова засмеялась, уже тише. – Если ты скажешь, что собираешься убить Императора во время Преклонения, она согласится перезаряжать пистолеты.

Томми, успевший расслабиться и вновь заскучать, фыркнул, пытаясь спрятать улыбку. Каховски посмотрела на него, и лицо ее стало жестким.

– Думаю, пистолеты перезарядят другие, – пожал плечами Кей. – Неужели вы не найдете для меня «мяса», полковник?

4

Император Грей был не в духе. Событие заурядное, но плохо воспринимаемое двором.

Рано утром он велел отправить к родителям свою малолетнюю подружку, и несколько придворных, уже с месяц ожидавшие этого, привели дочерей «посмотреть дворец Императора». Но их надежды не оправдались – Грей провел весь день, не выходя из спальни, то просматривая правительственные информканалы, то требуя самых странных деликатесов. Ни один из них он так и не попробовал, отдав должное лишь минеральной воде.

Уже под вечер Грею доложили, что Патриарх Единой Воли просит его аудиенции.

Церковь никогда не была значительной силой в Империи. Может быть, потому, что давнее слияние религий оттолкнуло от нее гораздо больше людей, чем привлекло; может быть, потому, что, подражая тактике Императора, церковь допускала существование планетарных культов, действующих в ее рамках, а может быть, просто из-за политики невмешательства в мирские дела, принятой много лет назад.

Но формально Патриарх был фигурой, равной Императору. И Грей не собирался нарушать эту формальность.

Сегодня ему не хотелось официальных церемоний. Император принял Патриарха в личных апартаментах, что могло быть либо жестом благосклонности, либо полным пренебрежением.

О таких мелочах Грей всегда предоставлял судить другим.

Патриарх вошел в маленький сумрачный зал, когда Грей, склонившись над столиком, собственноручно разливал по чашкам кофе. Кроме трех свечей в

тяжелом подсвечнике ничто не разгоняло мрак.

– Приветствую, Владыка. – Грей слегка кивнул, окидывая Патриарха взглядом. – Вы не разделите со мной скромный ужин?

Задрапированная в темные ткани фигура слегка склонила голову. Лишенный признаков пола и возраста, измененный несложной хирургической операцией, голос был тих, как журчание ручья.

– Благодарю, Император.

Фиолетовые стены, купол черного стекла над головой, мебель из темного дерева… Грей не знал, нравится ли Патриарху подобная обстановка. Но хотел бы знать – почти так же сильно, как истинную личность Патриарха.

Они сидели друг против друга – Грей, под вечер сменивший халат на пижаму, и Патриарх, укутанный в экранированные ткани. Крошечный амулет на груди Патриарха, наверняка прячущий внутри себя антисканер, мерцал, отражая пламя свечей.

– Кофейная церемония, рожденная в древности на материке Америка, это одна из немногих моих радостей, – заметил Грей.

Чашечка кофе нырнула под плотную ткань, скрывавшую лицо.

– Возможно. Но в древности не существовало кофейных церемоний. Вероятно, вы плохо информированы, Император.

Грей улыбнулся. Ссориться с Патриархом было смешно. Он властвовал в той сфере, которая абсолютно не интересовала Грея.

– Вам виднее, Владыка. Я знаю, что у церкви прекрасные архивы… и информаторы.

– Это порой бывает полезным. Немногие постигают Единую Волю до предела, доступного человеку, но зато они верны ей до конца.

– Я рад за церковь. Еще кофе?

– Благодарю. У нас есть прекрасные источники даже при Кертисе Ван Кертисе.

– О-о…

– В последнее время они обеспокоены, Император. И ваше решение расследовать деятельность Кертиса радует церковь.

– Я вижу, что источники есть не только при Кертисе. Сахар?

– Благодарю. Церковь не причастна к делам мирским. Но когда затрагиваются основы веры, мы не вправе быть безучастными.

– И чем же Ван Кертис затронул интересы Единой Воли?

– «Линией Грез».

– Что?

– «Линия Грез» – так Кертис Ван Кертис называет свой новый проект. Нам известно немногое, но ряд источников были обеспокоены влиянием этого проекта на основы веры.

– Сливки?

– Благодарю. Я надеюсь, что Император будет столь же щедр с информацией, которую может доставить клинч-командор Шегал, как и с прекрасным кофе.

Грей принужденно засмеялся:

– У вас великолепные источники, Владыка. Чуть больше информации не помешало бы… клинч-командору Шегалу.

– Достаточно. Лишняя ложка сливок испортит кофе, Император.

– Вы неподражаемы, Владыка. Кроме планов Кертиса, у церкви нет никаких проблем? Финансирование, пропаганда?

– Истина выше денег.

– Только когда опирается на них.

– Мы будем признательны Императору за помощь… если в ней возникнет потребность.

Несколько минут они пили кофе молча.

– Я хотел бы знать ваше мирское имя, Владыка, – сказал Грей.

– К сожалению, я забыл его. Благодарю вас за кофе. Надеюсь, что Император посетит храм Единой Воли.

Грей поколебался:

– Возможно.

– Я угощу вас прекрасным чаем. Чайная церемония действительно уходит корнями в далекое прошлое.

– Прошлое давно минуло, и никто не знает, каким оно было.

– Прошлое стало настоящим, Император. Достаточно оглянуться вокруг, чтобы увидеть его.

Патриарх поднялся.

– Я навещу храм… после Преклонения Ниц и возвращения Шегала, – сказал Грей. – Империя ценит церковь Единой Воли… ее заботу о единстве человечества.

Темная фигура склонила голову в поклоне.

5

– Почему я должна верить, тебе, Дач? – Голос Каховски был едва слышен. Она и сама почти исчезла в своем огромном кресле перед нетронутыми тарелками, лишь бокал вина опустел. – Ты мог соврать…

– Зачем?

– Не знаю. Ты убийца, Кей. Твоя психика живет по своим законам…

– Вы тоже убийца, Ванда. Вы были Немезидой Империи. Не крейсеры и истребители решили Смутную Войну – нет. Беспощадность, жестокость, неотвратимость мести – вот что сломало чужих. Никто не умел ненавидеть так, как мы.

– Кончилось время ненависти…

– Оно длится с сотворения мира! Вы сами сделали себя символом человеческой ярости. Вы знали, на что идете – на кровавые сны, которые не кончатся никогда, на жизнь вне закона… Вы хотите повторения Смутной Войны?

– Дач, я не верю твоему рассказу!

– А я верю, – тихо сказала Рашель. Она сидела рядом с Каховски – тоненькая, напряженная, не отводящая от Кея глаз.

Ванда отмахнулась:

– Дач, ты предлагаешь мне участие в заговоре против Императора! Мне, полковнику СИБ!

– Вы служили не Грею и не Империи. Вы служили человеческой расе – как умели и как считали нужным. Потому и должны меня понять… я такой же урод.

– Да?

– Я тот лейтенант с Хаарана, который был Корью.

Каховски замолчала, хватая ртом воздух.

– Вы можете проверить это. Алкарисы узнали, значит, информация где-то существует. Вы можете убедиться, что Томми – клон Кертиса. Это подтверждает мои слова.

– Или то, что Ван Кертис хочет чужими руками расчистить трон!

– Запросите информацию о Граале. О Злой Земле. Слетайте туда, в конце концов!

Сейчас Кей почти ненавидел эту старую женщину, перед которой преклонялся. Она не хотела поверить, не хотела вернуться в свои сны.

– Рашель, открой окно, – тихо попросила Ванда. Девушка беззвучно встала из-за стола.

– Поверьте мне, полковник, – прошептал Кей. – Пожалуйста.

– Томми, – старуха медленно повернула голову, – мне нужен будет соскоб твоей слизистой… пункция из мышцы… пара капель крови… – Она заколебалась, но закончила: – Семенная жидкость. Извини, мальчик. Я знаю методы фальсификации генотипа и не хочу рисковать.

Юноша едва заметно покраснел. Но голос его казался ровным.

– Я понимаю, госпожа Каховски.

– Генный код Ван Кертиса должен быть в военных архивах… не проблема… – сама себе пробормотала старуха. – Ладно… Кей, ты вел запись беседы с алкарисом?

– Конечно.

– Мне нужен оригинал.

– Я вел запись на диск и на оптокристалл. Вы их получите.

– Умный. Кей, твои записи прокрутят очень хорошие специалисты. Очень. Любая подделка будет раскрыта. Если хочешь, можешь уйти прямо сейчас.

– Я не лгал.

Дождь стучал за открытым окном – монотонный, затихающий. Рашель осталась стоять, не подходя к столу: молчаливая, словно бы повзрослевшая.

– Девочка, мне и впрямь интересно твое мнение, – хрипло произнесла Ванда.

– Кей не врет.

– Конечно… Рашель, тебе не стоит больше здесь появляться. Что бы мы ни решили. Понимаешь?

Секунду Каховски ждала ответа, потом резко спросила у Кея:

– Что она делает?

– Улыбается, – отводя глаза, ответил Дач.

– Дрянная девчонка. Какой черт тебя дернул прийти сегодня?

– Я почувствовала, наверное, – серьезно ответила Рашель. – Я с утра что-то чувствовала. Кей, вы меня проводите домой? Это недалеко.

– Давай уж на «ты», партнер. – Дач встал. – Позволите, полковник?

– Идите, – тихо сказала старуха. – Дьявол… опять все сначала… снова кровь, кровь…

Она смотрела им вслед, и веки ее бессильно дрожали.

6

– Возьмете зонтик? – спросила Рашель.

– Я люблю дождь.

Отражающее поле сияло над головой девушки, как смутный, прорезающийся нимб. В вечерней полутьме его свет казался таинственным и манящим. Кей взял Рашель за руку, почувствовав, как вздрогнули пальцы. Несколько минут они шли молча. Раскисшая земля хлюпала под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Смотрите приложение в конце книги.

Купить: https://tellnovel.com/sergey-lukyanenko/imperatory-illyuziy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити